

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

ЖИЗНЬ СВ. ИОАННА ДАМАСКИНА

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru),
2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ цензурный комитетъ указанное число экземпляровъ. Ноября 7 го дня 1863 года.

Московская Духовная Академія

Цензоръ Архимандритъ Михаилъ.

ГЛАВА I.

Древность Дамаска и положеніе его въ прежнее и нынѣшнее время. Знаменитость предковъ Іоанна Дамаскина и дѣла благочестія его отца. Обученіе Дамаскина инокомъ Космою. Усиѣхи его въ разныхъ наукахъ, приближеніе ко двору калифа и ревность о защищеніи православныхъ. Покровительство калифовъ еретикамъ. Первое сочиненіе Дамаскина противъ яковитовъ. Сильныя обличенія его противъ манихеевъ.

Прежде изложенія свѣденій о жизни Св. Іоанна Дамаскина, ознакомимся съ тѣмъ городомъ, въ которомъ жили его предки, въ которомъ онъ провелъ лѣта дѣтства и все время жизни до поступленія въ монашество, и отъ котораго онъ получилъ свое имя.

Дамаскъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ; онъ былъ еще при патриархѣ Авраамѣ, который имѣлъ слугу изъ Дамаска, а при Соломонѣ онъ былъ столицею независимаго государства, которое послѣ того подъ именемъ Сирійскаго царства вело вой-

ны съ Евреями. Затѣмъ онъ попеременно под-
 надалъ подъ власть Ассирійцевъ, Персовъ,
 Римлянъ и наконецъ Аравитянъ въ 634 году,
 тогда онъ былъ взятъ полководцами калифа
 Абу-Бекра, по разбитіи войскъ императора
 Ираклія. Впрочемъ сохранились здѣсь нѣ-
 которые памятники и первоначальнаго вве-
 денія христіанства. Такъ въ полчаса пути
 отъ Дамаска, и нынѣ показываютъ мѣсто,
 гдѣ Савла облисталъ свѣтъ съ небеси и онъ
 измѣнился изъ врага Христова въ ревностна-
 го Его ученика. Ворота, которыми Ап. Павелъ
 вошелъ въ городъ, донынѣ извѣстны подъ име-
 немъ Павловыхъ, а улица, на которой домъ
 Ананіи, крестившаго Павла, также называет-
 ся Ананіевой. Указываютъ даже домъ Гуды,
 въ которомъ жилъ Савль, когда Ананія при-
 шелъ предложить ему крещеніе во имя Хри-
 стово, только этотъ домъ теперь обращенъ
 въ мечеть. Не можемъ сказать, въ какомъ по-
 ложеніи былъ Дамаскъ въ VIII вѣкѣ, но
 позднѣйшіе путешественники видъ пылвшаго
 Дамаска къ сѣверозападу съ близъ лежа-
 щей горы Салхіе, отрога горъ Ливанскихъ,
 называютъ величественнымъ; городъ окру-
 жають обширныя, вѣчно зеленѣющія, рощи,
 множество садовъ, отдѣленныхъ различны-

ми цвѣтами, далѣе распространяется за предѣлы зрѣнія равнина, которая къ юговостоку замыкается отдаленными Хауранскими горами. Рѣка Бѣреди съ другими катящимися съ горъ постоянно снабжаетъ городъ въ изобиліи водою, которая притомъ течетъ по множеству каналовъ. Одно изъ предмѣстій Дамаска Гута, гдѣ воздѣланы сады, орошенные множествомъ ручейковъ, получило отъ восточныхъ поэтовъ названіе земнаго рая; городъ имѣетъ около 9 верствъ въ окружности, изъ древле обнесень кирпичными стѣнами, и заключаетъ въ себѣ до 150000 жителей, изъ коихъ христіанъ до 20000, но сколько было въ началѣ VIII в., не знаемъ. Мусульмане называютъ Дамаскъ вратами Каабы, потому что отсюда ежегодно выходитъ караванъ съ пилигримами всей нынѣшней Турціи въ Мекку и Медину на поклоненіе Магомету. Начало этихъ путешествіямъ безъ сомнѣнія положено въ VIII вѣкѣ. Дамаскъ для Азіи есть главное складочное мѣсто товаровъ, приходящихъ изъ Индіи и Европы *.

Теперь дѣлаіе едваръ и уздѣ тонкой и пышмой одѣвки, ювелирство, штучное мастерство издѣлій изъ слоновой кости составляютъ главные предметы Дамасской промышленности; и всякій родъ потребности

Въ этомъ то городѣ предки Дамаскина занимали высшія начальственныя мѣста и имѣли важное вліяніе на дѣла общественныя, одинъ изъ нихъ былъ правителемъ Дамаска во время осады и взятія города первыми послѣдователями Магомета въ 634 году.

Отецъ Дамаскина былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ при дворѣ дамаскаго калифа. Калифы изъ династіи Оммаядовъ хотя позволяли себѣ частыя преслѣдованія христіанъ и даже отнимали у нихъ церкви, какъ напр. поступили съ первѣйшею церковію Св. Іоанна Предтечи въ Дамаскѣ въ 705 году, но нерѣдко показывали и довольною терпимостью къ подвластнымъ христіанамъ, не только допускали ихъ быть свидѣтелями при судопроизводствѣ, но и самое званіе судей возлагали на нихъ и пользовались ихъ совѣтами въ дѣлахъ правленія. Это особенно должно сказать о фамиліи Мансура, отъ которой происходилъ Іоаннъ Дамаскинъ. Въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка калифомъ Дамаскимъ былъ Абдалмелехъ (682 — 703), онъ питалъ особенную любовь и уваженіе

имѣеть здѣсь особую улицу или базаръ, а прежде Дамаскъ особенно славился издѣліемъ кланковъ или бузатовъ.

къ Сергію Мансуру, отцу Дамаскина, и облекъ его званіемъ главнаго казначея въ калифатствѣ. Обладая огромными богатствами, Сергій Мансуръ употреблялъ ихъ преимущественно на дѣла христіанской благотворительности и между прочимъ на выкупъ плѣнныхъ.

Одна изъ великихъ услугъ его единовѣрцамъ состояла въ томъ, что по его настоянію калифъ Дамаскій для строившейся мечети въ Меккѣ не взялъ столповъ изъ Геѳсиманіи, какъ предполагалъ было поступить для оскорбленія христіанъ и императора Юстиніана II. Время рожденія Іоанна Дамаскина относятъ къ 680 году. Въ награду за искупленіе плѣнныхъ, между самыми плѣнниками Господь послалъ такого наставника для сына Сергія, лучше котораго по тогдашнимъ обстоятельствамъ трудно было отыскать и между свободными туземцами. Это былъ Козьма монахъ изъ Італіи, взятый въ плѣнъ въ 694 г. Сарацинами. Онъ обладалъ многостороннею ученостію, зналъ риторіку, діалектику, ариѳметику, геометрію, былъ свѣдущъ въ астрономіи и музыкѣ, изучалъ Платона и Аристотеля, но что всего важнѣе имѣлъ глубокія, обширныя познанія въ христіанскомъ

богословіи. Взятый въ плѣнъ Сарацинами, онъ всего болѣе плакалъ о томъ, что не успѣлъ никому передать собранныя сокровища познаній, или говоря его словами, не родилъ чадъ по духу. Сергій Мансуръ, увидѣвъ плѣнника въ монашеской одеждѣ и узнавъ о причинѣ его скорби, немедленно выкупилъ его изъ плѣна, а чрезъ нѣсколько времени поручилъ ему образованіе своего роднаго сына и усыновленнаго ихъ отрока Козьмы. О быстрыхъ успѣхахъ дѣтей въ преподаваемыхъ имъ наукахъ' жизнеописатель Дамаскина говоритъ въ такихъ выраженіяхъ: «Іоаннъ своими природными качествами, быстротою и стремительностію своей ревности, подобился орлу, парящему въ небо, а духовный братъ его подобенъ былъ кораблю, полному груза, который съ распущенными парусами быстро несется по водамъ при благоприятномъ вѣтрѣ.»

Въ продолженіи не многого времени они усвоили себѣ все духовное богатство наставника, изучали грамматику, риторику, діалектику и оказали великіе успѣхи въ геометріи, астрономіи и музыкѣ. Главнымъ и особенно любимымъ занятіемъ Іоанна было Слово Божіе и ученіе Отцовъ Церкви. Съ этого

времени онъ никогда не переставалъ заниматься отеческими писаніями, но въ то же время онъ изучалъ и греческую философію, и не малую любовь показывалъ къ твореніямъ Платона и Аристотеля. Наставникъ Козьма, какъ скоро замѣтилъ, что ученики его не имѣютъ болѣе нужды въ его руководствѣ, удалился въ Лавру Св. Саввы, горя желаніемъ провести остальную жизнь свою въ тихомъ уединеніи. И душа Іоанна стремилась вслѣдъ за наставникомъ. Привыкши съ дѣтства къ занятіямъ благочестія, и находя самое лучшее наслажденіе въ разсужденіи о предметахъ божественныхъ, онъ естественно чувствовалъ въ себѣ склонность къ жизни монашеской, которая, освобождая человѣка отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, даетъ возможность всецѣло предаваться богомыслию. Но теперь этому стремленію еще не суждено было осуществиться. Какъ наследникъ огромнаго родительскаго имущества (у отца его были помѣстья въ Сиріи и Палестинѣ) и гражданскихъ преимуществъ своего рода, Іоаннъ долженъ былъ, по смерти своего родителя, принять на себя заботу о благосостояніи единовѣрныхъ соотечественниковъ. Высокія его свойства, богатые дарова-

нія, обширная ученость обратили на него особенное вниманіе калифа. Надѣясь найти въ немъ вѣрнаго помощника, калифъ предложилъ ему званіе правителя Дамаска и своего первосовѣтника. Отказаться отъ такого предложенія значило увеличивать бѣдственное положеніе христіанъ Сирійскихъ, окруженныхъ отвсюду еретиками, и тяготившихся подданствомъ правительству магометанскому. Почему Іоаннъ и не отвергъ почетнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что съ занятіемъ государственными дѣлами можно было совмѣстить и то служеніе церкви, какого требовало стѣсенное Православіе. Посему въ званіи первосовѣтника калифова занимаясь государственными дѣлами, Дамаскинъ не опускалъ случаевъ и къ письменному защищенію Православной вѣры противъ различныхъ сектантовъ. «Горе мнѣ, писалъ онъ, если я не стану благовѣствовать; если, законавши талантъ, явлюся безпечнымъ и лукавымъ рабомъ и не вниду въ радость Господа моего. Въ семъ благовѣствованіи полагаю надежду спасенія моего, сію ревность мою приношу ему, какъ жертву во очищеніе грѣховъ моихъ.»

Въ Сиріи и Палестинѣ не было почти ни одной провинціи, ни одного города, гдѣ бы

сыны Православной Церкви не были окружены еретиками, принадлежавшими къ различнымъ сектамъ. Отдаленность отъ столицы имперіи, а потомъ, съ утвержденіемъ магометанства, и совершенная независимость отъ Римскаго правительства, весьма благопріятствовали ихъ распространенію. Несторіане, монофизиты, и отчасти моноелиты, павликіане и послѣдователи другихъ сектъ жили здѣсь свободно, спорили другъ съ другомъ, но все старались сблизиться съ калифами и изыскивать ихъ покровительство. Такъ монофизиты при патріархѣ Или въ 711 г. у калифа Валида испросили дозволеніе жить въ Антиохіи и здѣсь устроили для себя церковь.

Патріархи несторіанскіе, сперва жившіе въ Ктезифонѣ, исходатайствовали согласіе калифовъ на переселеніе въ Багдадъ.

Св. Іоаннъ могъ не только по слуху знать о лжеученіяхъ всѣхъ поселившихся здѣсь сектантовъ, но и лично видѣть представителей ихъ и говорить съ ними. Но чѣмъ подробнѣе и точнѣе могъ узнавать ихъ лжеученія и заблужденія, тѣмъ болѣе долженъ былъ огорчаться предоставленными имъ правами: имѣть свои церкви, избирать своихъ патріарховъ и все устроить по своимъ за-

конамъ и обычаямъ. Чѣмъ дороже была истина для его сердца, тѣмъ прискорбиѣе было замѣчать, что ложь такъ свободно распространяется и поставляется калифами на одной степени съ истиннымъ исповѣданіемъ вѣры. Церковію Дамасскою въ то время управлялъ митрополитъ Петръ, исповѣдникъ и страдалецъ за вѣру, по благоволенію Божію обладавшій даромъ слова и послѣ того, какъ отрѣзанъ былъ ему языкъ за обличеніе манихеевъ. Іоаннъ питалъ къ нему полную любовь, какъ сынъ къ отцу и былъ дѣятельнымъ помощникомъ въ заботахъ касательно обращенія на путь истинны отпадшихъ отъ Православія. Такъ, по его порученію, Св. Іоаннъ Дамаскинъ написалъ два сочиненія: исповѣданіе вѣры и разсужденіе противъ яковитовъ. Первое имѣетъ характеръ огласительный; въ немъ обращающійся отъ еретической секты отрекается отъ всѣхъ заблужденій и ересей, исповѣдуетъ Православное учене о Троицѣ, о двухъ естествахъ и дwoякомъ дѣйствованіи въ лицѣ Иисуса Христа и даетъ обѣтъ сохранять правила Апостольскія, Василія Великаго и шести Вселенскихъ Соборовъ. Между прочими заблужденіями обращающійся въ Православіе отвер-

гастъ прибавленныя Петромъ Кнафеемъ въ Трисвятой пѣсни слова: «распныйся за ны» и ученіе Оригеново о предсуществованіи душъ человѣческихъ и о прекращеніи загробныхъ мученій. Въ другомъ сочиненіи опровергаются заблужденія монофизитовъ. Особенно поразительно глубокое смиреніе Св. Іоанна, съ какимъ принялъ онъ порученіе своего епископа. «Лучшій изъ отцовъ и святѣйшій изъ патріарховъ, писалъ Іоаннъ Петру митрополиту, великій объемлетъ меня страхъ и безпокойство съ двухъ сторонъ, я боюсь и неповиновенія, но страшусь и тяжести бремени. Куда бѣжать и куда склониться, не знаю. Посему предаю себя тебѣ, духовному отцу, какъ агнецъ невинный не буду прекословить и вопіять. Не самъ себя буду пасти, но повинуюсь повелѣнію твоему и преклоняю выю, когда уже не получилъ освобожденія, котораго просилъ.» Не менѣе въ сильныхъ и замѣчательныхъ выраженіяхъ говоритъ Св. Іоаннъ о любви къ погибающимъ собратіямъ, какъ одномъ изъ рѣшительныхъ побужденій, по коимъ принялъ на себя опроверженіе яковитскихъ заблужденій. «Нечестіе ненавистно, пишетъ онъ въ началѣ разсужденія, но достоинъ сожалѣнія нечествую-

щій. Отвращаюся гнойной раны, но членъ берегу, доколѣ онъ не совершенно бесполезенъ и растлѣнъ. Посему всѣ нити, какъ говорится, привожу въ движеніе, изыскиваю всѣ способы, придумываю спасительное врачество, призываю Бога въ помощники, стараясь отдѣлнить приросшія наросты, и если возвращу къ здоровію, слава и благодареніе Господу, дающему здравіе, но если же не уврачую, предаю на отсѣченіе возлюбленный членъ, хотя горько, но предаю, потому что избѣгаю сообщества, дабы зло не распространялось далѣе и не умножались зараженные члены, — избѣгаю сообщества, не понося, но воздыхая съ пророкомъ: *врачевахомъ Вавилона, и не исцѣль, понеже не восхотѣ.* Вотъ что побудило меня писать, не словопрение, не ревность, не желаніе обличить или одержать побѣду, но страданіе изъ любви къ Богу и ближнимъ.» Есть довольно твердыя основанія думать, что оба эти сочиненія посланы были къ Иліи, яковитскому патриарху, жившему близъ Антиохіи въ Тудареѣ или Дареѣ, и что исповѣданіе вѣры было условіемъ, при которомъ яковитскому епископу обѣщалось примиреніе съ церковію Православною. Если это правда, то увѣща-

ніе къ сожалѣнію осталось безуспѣшнымъ; Илія остался упорнымъ защитникомъ заблужденій Якова Барадея, ученика Северова.

Особенно огорчительно было для Святаго Іоанна благоволеніе калифовъ къ нечестивымъ манихеямъ. Калифы требовали отъ Православныхъ не чуждаться манихеевъ, но имѣть съ ними общеніе. Митрополитъ Петръ произнесъ на нихъ проклятіе, а единодушный съ нимъ Іоаннъ написалъ разговоръ противъ манихеевъ, въ которомъ съ болѣе сильнымъ негодоваціемъ обличаетъ ихъ нечестіе, чѣмъ заблужденія другихъ еретиковъ. Онъ призываетъ здѣсь небо и землю, народы и племена во свидѣтели ихъ богохульнаго ученія, и силою отклоняетъ своихъ собратій по вѣрѣ отъ общенія съ ними. «Манихеи говорятъ, писалъ онъ, что матерія боролась съ Богомъ и часть у него похитила; они называютъ Бога описуемымъ, борющимся и побораемымъ.... И мы съ ними будемъ входить въ разговоръ! Ихъ примемъ въ общеніе! Братіе, лучше умремъ, а не будемъ имѣть общенія съ манихеями; принимающій ихъ въ общеніе,—самъ манихей, подобный имъ; лучше іудействовать и умереть Іудеемъ, чѣмъ вступить въ союзъ съ манихеями». Разго-

воръ Православнаго съ манихеемъ есть одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Дамаскина, какъ памятникъ его глубокомыслія, съ какимъ ниспровергнуты всѣ заблужденія манихеевъ. Но по самой странности опровергаемаго лжеученія, это сочиненіе можетъ быть оставлено безъ всякаго обзора.

Появленіе иконоборства въ 726 г. вызвало Святаго Іоанна Дамаскина на новые и болѣе важные подвиги, чѣмъ борьба его съ монофизитами и манихеями. При обличеніи сихъ еретиковъ онъ повторялъ сказанное другими прежде его, а въ борьбѣ съ иконоборцами онъ былъ вождемъ и руководителемъ многихъ изъ своихъ современниковъ.

ГЛАВА II.

Появленіе иконоборства. Мѣры Льва Исавра противъ иконопочитанія. Первое слово Дамаскина въ защиту иконъ и дѣйствіе сего слова на читателей. Побужденія къ написанію втораго слова въ защиту почитанія иконъ. Возмущеніе, по поводу новаго указа противъ иконъ. Мечь Льва Исавра Дамаскину. Чудесное исцѣленіе отъѣченной его рукой.

Льву Исавру еще въ молодости Іудеи обѣщали долготѣннее царство, подъ условіемъ, если онъ не потребитъ иконы въ церквахъ христіанскихъ. Константинъ, Епископъ Никейскій во Фригій, одинъ изъ первыхъ совѣтниковъ Льва, также внушалъ ему, что иконопочитаніе, какъ видъ идолослуженія, совершенно запрещено второю заповѣдію десятисловія. И Левъ со всею рѣшительностію возсталъ противъ иконопочитанія, но еще ранѣе, въ 7 годъ его царствованія, калифъ Арабскій, по довѣрію къ жида Тиверіадскому, который также обѣщаль ему долготѣннее

царствованіе за истребленіе иконопочитанія, объявилъ указъ объ истребленіи иконъ, во всѣхъ христіанскихъ храмахъ его государства. Левъ почелъ долгомъ превзойти калифа своими преслѣдованіями иконопочитателей. Прежде всего онъ хотѣлъ склонить на свою сторону общество 12 ученыхъ богослововъ, которымъ поручено было завѣдываніе публичною бібліотекою, близъ храма Святой Софій, и которые пользовались особенною довѣренностію въ народѣ Константинополя. Ихъ приглашалъ во дворецъ для совѣщанія о мѣрахъ къ скорѣйшему отмѣненію иконопочитанія; но они не только не согласились на требованіе Льва Исавра, но еще сильно осуждали его замысль. Левъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія, и вскорѣ по совѣщаніи съ своимъ сенатомъ, издалъ указъ, коимъ запрещалъ иконописаніе и поклоненіе иконамъ. Происшедшее возмущеніе побудило его только прикрыть свое намѣреніе хитрымъ объясненіемъ указа.

Левъ увѣрялъ, что своимъ указомъ онъ не думалъ вовсе уничтожать священныя изображенія, а хотѣлъ только, чтобы поставляли ихъ на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, дабы нельзя было касаться ихъ устами и

такимъ образомъ наноситъ безчестіе предметамъ, требующимъ почитанія. Но не трудно было понять тайную мысль иконоборца: удаленіемъ иконъ отъ глазъ народа, онъ предполагалъ, мало по малу, отучить народъ дорожить священными изображеніями. Патриархъ Германъ напоминалъ Государю объ обѣтѣ, данномъ при вѣнчаніи на царство, блюсти цѣлость древнихъ церковныхъ преданій и увѣрялъ въ своей готовности положить жизнь за почитаніе Святыхъ иконъ. Но единомышленники императора не переставали поддерживать его въ нечестивомъ предпріятіи. Отступникъ Везеръ, всего болѣе своимъ высокимъ ростомъ обратившій на себя вниманіе Льва Исавра и сдѣлавшійся его совѣтникомъ, сталъ и въ народѣ распространять мысль, будто иконопочитаніе есть остатокъ язычества. Епископъ Наколійскій составилъ соборъ въ своей епархіи, и здѣсь именемъ собора также объявилъ иконопочитаніе идолопоклонничествомъ. Съ нимъ соединились и другіе епископы, таковъ наприм. Ѳома Клавдеопольскій въ Пафлагоніи. Во многихъ городахъ произошли возмущенія. Народъ и большая часть духовенства горячо вступились за семисотлѣтній обычай.

Молва о всѣхъ этихъ движеніяхъ внутри имперіи быстро пронеслась до отдаленныхъ предѣловъ и за границы государства, она огласилась въ Сиріи и Палестинѣ. Кромѣ папы Григорія II, и Святый Іоаннь Дамаскинъ возвысилъ голосъ въ защиту гонимой истины. Почитая молчаніе при столь великой опасности, угрожавшей церкви, дѣломъ неизвѣстнымъ и грѣховнымъ, онъ написалъ своимъ друзьямъ и знакомымъ въ Константинополь, непоколебимое силы и пламеннаго краснорѣчія слово о необходимости иконопочитанія и просилъ ихъ распространять свое сочиненіе между народомъ. «Боюсь рекшаго, замѣчалъ онъ въ объясненіе побужденій, по концю рѣшался писать за истину, боюсь рекшаго, *аще увидиши мечъ грядущъ и не проповѣси брату твоему, крови отъ руки твоея возмизу.* Сего-то гнѣва Божія страшась, я приступаю къ проповѣданію и не предпочитаю истинѣ величія императора. Тѣмъ болѣе побуждаюсь говорить, что величіе императора весьма сильно къ оболъщенію подчиненныхъ.» Разобравъ всѣ возраженія, которыя представляемы были иконоборцами и представивъ твердыя основанія въ защиту обычая церковнаго, Св. Іоаннь

въ заключеніи указывалъ для убѣжденія вѣрующихъ и на то, что не принадлежитъ къ кругу царской власти дѣлать отмѣненія въ обычаяхъ и постановленіяхъ церковныхъ. Много было до нынѣ, писалъ онъ подобно Св. Герману, священниковъ и царей, Богомъ дарованныхъ христіанамъ, славныхъ мудростию и богопочитаніемъ, словомъ и жизнью, много было и Православныхъ Соборовъ и Богодухновенныхъ Отцевъ, почему же никто изъ нихъ не осмѣлился дозволить себѣ ничего подобнаго (иконоборству)? Не поустимъ проповѣдывать новую вѣру. Не позволимъ себѣ повиноваться указу государя, который замышляетъ извратить отечественное обыкновеніе. Постановлять что-нибудь о дѣлахъ вѣры принадлежитъ не императорамъ, а соборамъ, какъ сказалъ Господь: *идѣже будутъ два или три собраны во имя Мое, ту и Азъ посреди ихъ*. Власть вязать и рѣшить Господь далъ не царямъ, а Апостоламъ и ихъ преемникамъ, пастырямъ и учителямъ.

Это слово или посланіе Св. Іоанна многими было читано въ Константинополь, съ великимъ услажденіемъ; переходя изъ рукъ въ руки, оно много способствовало къ утвер-

ждеію православныхъ въ почитаніи иконъ и многихъ склонныхъ къ иконоборству отклонило отъ нечестія. Случившееся великое землетрясеніе, какъ и другія чрезвычайныя явленія, православные считали явнымъ знакомъ гнѣва Божія на иконоборцевъ. По императоръ Левъ, одержавъ, при помощи Греческаго огня, побѣду надъ возмутившимися жителями Цикладскихъ острововъ, смотрѣлъ на нее, какъ на знаменіе того, что Богъ благоволяетъ его предпріятію противъ иконъ, и еще грозиле и рѣшительнѣе началъ преслѣдовать свою цѣль. Созвавъ Сенатъ, онъ издалъ новый указъ, коимъ запрещалось писать иконы и поклоняться имъ, а имѣющіяся въ церквахъ и частныхъ домахъ иконы повелѣвалось предавать истребленію. Призванъ былъ и патріархъ Св. Германъ, для подписанія опредѣленія императорскаго; но онъ съ твердостію исповѣдника объявилъ, что никакія угрозы не сильны отклонить его отъ древняго иконопочитанія, а когда увѣрился, что не осталось никакихъ средствъ къ обращенію государя, сложилъ съ себя въ Сенатѣ омофоръ и удалился въ монастырь. (Это случилось въ Январѣ 730 г.). Черезъ пятнадцать дней возведенъ на престолъ патріаршій

единомысленный императору Анастасій, секретарь Германа. Вѣсть объ этихъ событіяхъ также вскорѣ достигла и до предѣловъ Сиріи и Палестины. Теперь нѣкоторые изъ жителей Константинополя сами просили Дамаскина утѣшить и ободрить ихъ своими писаніями въ защиту иконъ. И Св. Іоаннъ написалъ для церкви Константинопольской одно за другимъ два защитительныя слова, въ которыхъ полнѣе и подробнѣе раскрылъ доказательства и обличенія, изложенныя въ первомъ словѣ.

Не замедлили и приведеніемъ въ исполненіе императорскаго указа. Солдату изъ дворцовой гвардіи дано было приказаніе снять древнюю икону Спасителя съ воротъ царскаго дворца, гдѣ она до сего времени была предметомъ уваженія у народа, но теперь предназначалась для сожженія. Сбѣжавшійся народъ просилъ солдата отдать имъ образъ Спасителя, но вмѣсто исполненія своей просьбы увидѣлъ, что нанесенъ былъ дерзкій ударъ лику Господню. Благочестивое чувство зрителей не вытерпѣло такого оскорбленія святыни: они опрокинули лѣстницу, на которой стоялъ солдатъ, онъ упалъ на землю и вскорѣ кончилъ жизнь. Послѣ сего разъяренный

народъ съ крикомъ бѣжалъ по улицамъ и угрожалъ подобнымъ мщеніемъ всѣмъ иконоборцамъ, и особенно новому патріарху. Государь долженъ былъ выслать цѣлый отрядъ воиновъ, для сохраненія жизни прибѣжавшаго къ нему во дворецъ Анастасія и для усмиренія возмущившихся. Преслѣдованіе иконопочитателей перешло и за предѣлы столицы. Всѣ епископы, несогласавшіеся на исполненіе указа, были лишены своихъ мѣстъ. Всѣ, которые не хотѣли измѣнить отечественной вѣрѣ, были изгоняемы, предаваемы пыткамъ, томимы голодомъ и подвергаемы болѣе или менѣе жестокимъ казнямъ. Многіе православныя, оставляя свои имущества, убѣгали въ пустыни, въ горы и пещеры.

Папа Григорій II, еще при первой вѣсти о поставленіи въ патріархи Анастасія, отлучилъ императора отъ церкви. вмѣстѣ съ этимъ отложилась отъ Льва Исавра и вся Италія. Скоро и на востокѣ потеряли надежду на раскаяніе и на исправленіе императора. Почему Іоаннъ, патріархъ Іерусалимскій, вмѣстѣ съ восточными епископами произнесъ проклятіе на иконоборцевъ. Что и слова Іоанна Дамаскина производили великое вліяніе на народъ, въ этомъ увѣряетъ ко-

варная мѣсть Дамаскину со стороны императора. Левъ Исавръ заставилъ изучать одного изъ ищевъ почеркъ руки Іоанновой и отъ имени его написать къ себѣ письмо о присылкѣ войска, для осады города Дамаска, съ обѣщаніемъ дѣятельнаго содѣйствія къ овладѣнію сею странюю. Когда это было сдѣлано, царь самъ отъ себя написалъ письмо къ калифу Гашему, въ которомъ извѣщалъ калифа, будто его первосовѣтникъ надобѣлъ ему частыми измѣнническими письмами о присылкѣ войска для покоренія Дамаска; но что онъ, помня мирные договоры, не хочетъ пользоваться гнусной измѣной сановника калифскаго. То и другое письмо были отправлены къ калифу Дамаскому. Калифъ, получивъ эти письма, въ пылу негодованія, никакъ не могъ повѣрить Іоанну, что письмо ко Льву Исавру писано не имъ, а кѣмъ-нибудь изъ его враговъ, и далъ приказаніе безъ замедленія отсѣчь правую руку измѣннику. Въ тотъ же день рука была отсѣчена и повѣшена на площади. Подъ вечеръ, когда невинный страдалецъ полагалъ, что первый пламень гнѣва прошелъ въ душѣ калифа, чрезъ посланцыхъ изобразилъ предъ нимъ невыносимую тяжесть своего горькаго положенія и

умолялъ его возвратить отсѣченную руку, для погребенія въ землѣ. Калифъ уступилъ просьбѣ бывшего своего первосовѣтника. Св. Іоаннъ, получивъ руку, вошелъ въ свою моленную, повергся предъ образомъ Богоматери и со слезами умолялъ Заступницу невинныхъ страдальцевъ уврачевать страждущую руку, изрекая обѣтъ посвятить ее на сложеніе пѣсней въ честь Божественнаго Ея Сына. Послѣ молитвы его склонилась легкая дремота, во снѣ онъ увидѣлъ, что является къ нему Божія Матерь и съ пѣжностію и веселіемъ говоритъ ему: «вотъ рука твоя исцѣлена, исполни теперь свой обѣтъ и сдѣлай ее тростию книжника скорописца.» Проснувшись, онъ увидѣлъ, что рука его въ самомъ дѣлѣ цѣла, какъ будто ничего не случилось съ ней. Тогда въ радости вновь повергся ницъ и благодарилъ Господа и Матерь Божию за совершеніе чуда. Въ радостныхъ и благодарныхъ восклицаніяхъ приняли участіе и домашніе; въ домѣ, посѣщенномъ Богоматерію, ночь проведена была какъ въ свѣтлый праздникъ. Вскорѣ и донесли калифу о совершившемся чудѣ: изумленный разказомъ, калифъ призвалъ къ себѣ Іоанна, велѣлъ показать правую руку и удостовѣрился въ чу-

десномъ ея уврачеваніи. Черта на самомъ мѣстѣ соединенія отсѣченной руки съ тѣломъ осталась памятникомъ и неопровержимымъ свидѣтелемъ чуда. Калифъ сознавался теперь, что онъ подвергъ наказанію невинно оклеветаннаго, и упрасивалъ Іоанна по прежнему остаться при его дворѣ, предоставляя ему власть и права еще больше прежнихъ. Но въ чудесномъ уврачеваніи Дамаскинъ видѣлъ небесное призваніе къ иной жизни и тѣрдо рѣшился исключительно посвятить себя духовнымъ подвигамъ въ той самой обители, въ которой подвизался и его наставникъ Косма и которая во всѣ времена отличалась болѣе строгою жизнію своихъ иноковъ.

ГЛАВА III.

Удаленіе Дамаскина въ монастырь Св. Саввы. Выборъ для него наставника и правила, данныя ему старцемъ. Случай къ его пещитанію; составленіе надгробныхъ пѣсней. Дивное увичіженіе его, по поводу зшитіи. Труды его для восполненія церковныхъ пѣснопѣній. Побужденіе къ составленію ѡктоиха. Ревность его къ проповѣданію слова Божія. Характеръ его словъ. Побужденіе къ написанію точнаго изложенія вѣры. Содержаніе и важность сего сочиненія. Поводъ къ написанію обличенія противъ послѣдователей Кнафея. Иконоборческій Соборъ при Конронимѣ и сужденіе о дѣйствіяхъ Дамаскина. Годъ смерти Дамаскина и сказаніе о его святыхъ его мощахъ.

Раздѣливъ свое имущество между родственниками, бѣдными, плѣнниками и церквами, отпустивъ рабовъ своихъ на волю, въ 733 г. Іоаннъ удался изъ Дамаска. Ему сопутствовалъ сюда нареченный братъ и совоспитанникъ его, Косма и племянникъ его девятилѣтній отрокъ, Стефанъ, къ имени котораго въ послѣдствіи прибавлено отличительное прозваніе Савванта. Обычай Лавры требовалъ отдавать всякаго новоприходящаго въ мона-

стырь подь ближайшій и непосредственный надзоръ опытному старцу. Но Іоаннъ былъ извѣстенъ по своему обширному образованію и по важности сана, который онъ занималъ, и который соотвѣтствовалъ нынѣшнему званію министра. Посему многіе старцы, которыхъ призывалъ игуменъ Лавры, отказывались принять подь свое руководство знаменитаго пришельца. Только одинъ простой по правамъ, но богатый всякаго рода свѣдѣніями и много лѣтъ подвизавшійся въ Лаврѣ старецъ согласился принять Іоанна въ ученики и ввелъ его въ свою келлію.

Съ первыхъ же дней подвижнической жизни, предложены были Свят. Дамаскину самыя строгія правила: старецъ требовалъ отъ него совершеннаго самоотверженія, постояннаго бдѣнія надъ помыслами и постоянной молитвы, онъ внушалъ ему недопомогаться видѣній и кромѣ сего вмѣнилъ ему въ обязанность, особенно тяжкую для ученаго, не вступать въ ученые разговоры, не писать никому писемъ и говорить только по требованію крайней нужды. Очень мало оставалось простора для свободной дѣятельности Іоанна, притомъ налагаемый законъ послушанія казался нарушеніемъ заповѣди, изре-

ченной Богоматерію въ сновидѣніи по исцѣленіи отсѣченной руки, но Св. Іоаннь, понимая значеніе послушанія въ дѣлѣ нравственнаго преслѣянія, и чувствуя, какъ оно необходимо для укрѣпленія воли, для образованія твердаго мужественнаго характера, никогда не противорѣчилъ своему старцу, не позволялъ себѣ ни малѣйшаго прекословія въ языкѣ и никакой тѣни сомнѣнія и недовольства въ сердцѣ.

Между тѣмъ старецъ не довольствовался и этимъ послушаніемъ своего ученика; онъ хотѣлъ испытать его смиреніе порученіемъ продать въ Дамаскѣ нѣсколько корзинъ и при томъ не иначе, какъ за цѣну въ трое или четверо выше обыкновенной. Въ скудной монашеской одеждѣ безъ прекословія отправился бывшій калифскій первосовѣтникъ на рынокъ дамасскій и занялъ мѣсто наряду съ мелкими торговцами. Скудость одежды и изтомленный видъ большинству проходивших мимо покупателей не дозволили признать въ продавцѣ корзинъ прежняго сановника, но самая продажа не обошлась безъ огорченій. Цѣна назначена была столь высокая, что всякій, услышавъ объ ней, отходилъ съ насмѣшкой надъ корыстолюбіемъ или неуступ-

чивостію монаха. Только одинъ изъ бывшихъ слугъ Дамаскина призналъ своего господина, и, по чувству неизмѣннаго уваженія къ нему, купилъ у него корзины по той цѣнѣ, какая назначена была старцемъ.

Но вскорѣ послѣ сего представился такой случай для испытанія послушанія, гдѣ малое отступленіе отъ воли старца казалось дѣломъ не только невиннымъ, но и необходимымъ исполненіемъ требованій самой чистой и безкорыстной любви къ ближнему.

У одного изъ иноковъ обители номеръ родной братъ, и онъ для утѣшенія себя въ скорби просилъ Іоанна написать какую либо пѣснь, въ которой естественная скорбь растворялась бы и прогонялась бы молитвенными воплями къ Богу. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и отказовъ, Дамаскинъ уступилъ просьбамъ страдальца, и написалъ нѣкоторыя изъ умилительныхъ пѣснопѣній, которыя теперь оглашаютъ слухъ вѣрующихъ прицерковныхъ погребеніяхъ. Таковы погребальныя пѣсни:

Какая житейская сладость не причастна
скорби?

Какая слава была на землѣ неизмѣнною?

Все тѣни слабыя, все обманчивѣе сонныхъ
мечтаній.

Одно мгновеніе, — и все это наследуетъ
смерть!

Но, во свѣтѣ лица Твоего. Христе,
Въ наслажденіи красотою Твоею,
Какъ челоуѣколюбивый, упокой, коего из-
бралъ Ты.»

Увы миѣ! какая борьба при разлукѣ души
съ тѣломъ!

Увы миѣ? какъ скорбитъ она тогда и —
нѣтъ страждущаго.

Обращаетъ взоры къ Ангеламъ? мольба —
напрасна.

Простираетъ къ людямъ руки? нѣтъ по-
мощника.

Любезные братіе мои! — всевознимъ крат-
кость жизни нашей;

Помолимся Христу, да упокоитъ престаель-
шагося

И душамъ нашимъ подастъ вселюю милость.

Суета — все челоуѣческое, все не пер-
живаетъ смерти.

Не остается съ нами богатство,

Не сопутствуетъ намъ слава.

Пришла смерть, и все это исчезло.
Воззовемъ къ Христу безсмертному:
Разлучившагося съ нами уюкою,
Гдѣ обитаніе для всѣхъ веселящихся.»

Однажды старецъ, возвращаясь въ свою келью, услышалъ, что его послушникъ поетъ какіе-то стихи въ своемъ уединеніи, и послѣдствіемъ сдѣлать ему строгое замѣчаніе; Іоаннъ объяснилъ, что это за пѣсни и по какому случаю составлены и падая на землю смиренно просилъ прощенія, за то что написалъ ихъ безъ его благословенія. Но старецъ остался непреклоннымъ и изгналъ его изъ своей келліи. Въ чувствѣ глубокой скорби смиренный послушникъ сравнивалъ свое изгнаніе изъ келліи съ изгнаніемъ Адама изъ рая, и убѣдительно просилъ старшую братію ходатайствовать за него предъ старцемъ. Строгий ревнитель иноческихъ уставовъ не хотѣлъ уважать ничьей просьбы, и только подъ условіемъ самой тяжкой и унижительной эпитиміи согласился вновь принять его въ свою келлію. Условіемъ для сего назначалось Іоанну своими руками очистить всѣ нечистыя мѣста въ монастырѣ. Братія стыдилась даже сказать ему, о такой эпитиміи,

но Іоаннъ настоятельными просьбами убѣдиль сказать ему все, чего требуетъ отъ него оскорбленный наставникъ, и какъ скоро услышалъ объ этомъ условіи, нимало не усомнился исполнить столь тягостное требованіе. Немедленно приготовлены были сосуды и орудія, пужные для этой черной работы, и къ изумленію всѣхъ, онъ тѣми самыми руками, для которыхъ нѣкогда употреблялъ благовонные ароматы, принялся убирать и омывать нечистоты въ отхожихъ мѣстахъ. Усмотрѣвъ такое самоуниженіе и смиреніе, старецъ вскорѣ остановилъ своего ученика, и съ словами утѣшенія цѣловалъ главу, рамена и руки его. При этомъ ободреніи отъ своего наставника Іоаннъ вновь со слезами сталъ просить его о своемъ принятіи въ келлію и тотъ часъ же былъ съ любовію введенъ въ нее.

Черезъ нѣсколько дней Пресв. Дѣва и Матерь Божія въ нощномъ видѣніи повелѣла старцу снять правила послушанія съ будущаго нѣсотворца и не обязывать его къ продолженію подвига молчанія. Послѣ сего старецъ вовсе сложилъ съ себя званіе руководителя и предоставилъ Іоанну вести подвижническую жизнь по своему благоусмотренію.

Съ этого времени Св. Дамаскинъ, по словамъ патріарха Іерусалимскаго Іоанна, началъ свои божественныя пѣснопѣнія, воспѣлъ пѣсни сладко усладившія Церковь, раздѣливъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ Св. Космою, который подобно ему написалъ много канонѡвъ на праздники Господни, Богор. и Святыхъ. И прежде Дамаскина, безъ сомнѣнія, довольно было священныхъ пѣсней, составленныхъ во славу Спасителя, Богоматери и Св. Угодниковъ, но невѣжество и своеволіе не во всемъ слѣдовало древнимъ образцамъ, позволяя дѣлать измѣненія въ самомъ составѣ пѣсней и въ пѣніи ихъ по своему вкусу, испорченному слушаніемъ шумной и страстной музыки, которая раздавалась въ циркъ и зрѣлищахъ. Посему пужно было умѣрить излишнюю искусственность пѣвцовъ и вразумить невѣждъ, увеселявшихся крикливымъ пѣніемъ, а также доставить большую опредѣленность и единообразіе церковнымъ пѣснопѣніямъ. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ особенно важную услугу составленіемъ октоиха или прмологія, какъ онъ называется въ пѣкоторыхъ рукописяхъ. Отъ пѣвцовъ, которые пріобыкли переносить въ Церковь мелодіи изъ театра, беспорядокъ, увеличи-

ваясь при ослабленіи образованности въ клиръ, мало по малу, могъ довести церковный чинъ до крайняго разстройства. Св. Дамаскинъ, переложеніемъ церковныхъ пѣсней на восемь гласовъ, сообщилъ церковному пѣнію правильное единообразіе, вполне соответственное требованіямъ самаго глубокаго благочестиваго чувства. Когда пѣніе ограничено осмью гласами, молящійся не развлекается множествомъ и разнообразіемъ мелодій, утверждаясь въ общемъ вниманіи къ духу и содержанію пѣсней церковныхъ. Простота напѣвовъ осмогласника, выражая простоту молитвы христіанской, располагаетъ душу къ такой же молитвѣ и освобождаетъ отъ того шума суеты и ложныхъ прелестей, какими поражается слухъ при новости и изысканности напѣвовъ, при внесенныхъ произвольными вымыслами разсѣяннаго и неблагоговѣйнаго искусства. Что же касается состава октоиха и содержанія писанныхъ Дамаскинымъ каноновъ, то обзрѣвать ихъ въ подробностяхъ пѣть пужды тѣмъ болѣе, что многіе каноны, напр. пасхальный и многіе прмосы осми гласовъ большинству читателей, внимательныхъ къ богослуженію, извѣстны на память (*).

*) Какіе именно каноны и пѣсни писалъ Дамаскинъ, объ этомъ см. въ исторіи церк. пѣснописцевъ Архипен.

Несомнѣнно, что Св. Іоаннъ рукоположенъ былъ во пресвитеры Іерусалимской церкви Воскресенія Христова, тогда какъ другъ его, Косма, поставленъ былъ епископомъ Маюмскимъ. Неизвѣстно, когда именно послѣдовало это посвященіе во пресвитеры, но изъ самаго посвященія можно заключить, что патріархъ Іерусалимскій Іоаннъ (ум. 735 г.) убѣдилъ его принять санъ пресвитерскій всего болѣе для того, чтобы имѣть его ближайшимъ совѣтникомъ и помощникомъ въ церковномъ управленіи. Послѣ посвященія во пресвитера, Дамаскинъ долгомъ своимъ почиталъ и проповѣданіе слова Божія съ церковной кафедрой.

Изъ сохранившихся до насъ его бесѣдъ видно, что онъ во время одного и того же праздника церковнаго въ разные часы богослуженія иногда произносилъ по нѣсколькимъ словъ или поученій. Такъ до насъ дошли три слова его на день Успенія Божіей Матери, сказанныя одно за другимъ въ продолженіи сего праздника. «Никто не обвинитъ меня, говорилъ онъ въ третьемъ изъ этихъ

Черниг. Филарета; а нѣкоторые изъ каноновъ Дамаскина можно читать въ русскомъ переводѣ проф. Ловягина.

словъ, что послѣ того, какъ произнесъ уже два похвальные слова, хочу говорить это третіе и принести его также въ даръ Богоматери. Кто горячо любитъ какой-нибудь предметъ, тотъ обыкновенно и говоритъ о немъ, и думаетъ непрестанно, и образъ его носить въ своемъ сердцѣ день и ночь.» Судя по этому выраженію чувствъ, хотя до насъ сохранилось только 4 бесѣды Св. Дамаскина и девять словъ, но за несомнѣнное можно признать, что онъ въ свое время гораздо больше произнесъ поученій народу. Дошедшія до насъ проповѣдническія сочиненія Св. Іоанна Дамаскина суть: бесѣда на день Преображенія, бесѣда на Великую Среду, на Великій Пятокъ и на Великую Субботу, два слова на Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, на день Рождества Пресвятой Богородицы, похвальное слово Златоусту и похвальное слово Великомученицѣ Варварѣ. (*)

Изъ бесѣдъ или словъ Св. Іоанна Дамаскина можно усматривать, что его душа во

(*) Нѣкоторыя изъ его бесѣдъ до сихъ поръ остаются неизданными; таковы: четыре бесѣды эскетическаго содержанія, которыя Лекенъ обѣщався издать въ предположенномъ имъ третьемъ томѣ твореній Дамаскина, но не исполнилъ своего обѣщанія; также не издана бесѣда на Срътеніе Господне, упоминаемая Фабриціемъ

время проповѣданія испытывала разнообразныя и возвышенныя ощущенія. Его воображенію живо рисуются образы предметовъ и событій Евангельскихъ и Церковной Исторіи, и онъ, какъ бы забывая, что они давно уже прошли и совершились, воспроизводитъ въ себѣ всѣ ощущенія человѣка, наблюдающаго дѣйствительное явленіе, восторгается, скорбитъ, пзумляется и недоумѣваетъ, поражается негодованіемъ, вразумляетъ и въ избыткѣ сердца, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, взываетъ къ неодушевленнымъ предметамъ и влагаетъ въ нихъ живую рѣчь. И отъ своихъ слушателей проповѣдникъ не скрывалъ этого сладостнаго волненія души, подвліяніемъ живыхъ образовъ воображенія. Такъ въ словѣ на Успеніе Божіей Матери, перенося духовный взоръ слушателей въ Сіонскую горницу, гдѣ много совершилось чудныхъ дѣлъ Божіихъ, гдѣ наконецъ Пресвятая Дѣва возлежала на смертномъ одрѣ, онъ забываетъ о своей бесѣдѣ въ храмѣ и о своихъ слушателяхъ, восторгается духовно и представляетъ, что онъ созерцаетъ предъ собою Богоматерь, въ послѣднія минуты ея жизни. По окончаніи восторженнаго состоянія, онъ раскрылъ предъ слушателями, что

испытала душа его въ промежутокъ молчанія. «Не скрою отъ васъ движенія моея души, говоритъ онъ здѣсь. Когда слова дошли до мѣста, я почувствовалъ въ себѣ пламеннѣйшій и сожигающій огонь любви; меня объялъ трепеть, и слезы радости выступили изъ очей; миѣ показалось, что я лобызаю сей одръ блаженный и любезный, полный чудесъ, сей одръ, принявшій скинью, источникъ жизни, и освятившійся чрезъ принятіе; миѣ показалось, что я прикоснулся своими руками къ самому Святому и Всесвятому, къ жилищу, достойному Божества, прильпнулъ къ очамъ, челу, устамъ, выѣ и ланитамъ Богоматери и почувствовалъ прикосновеніе какъ будто настоящаго тѣла, но когда осмотрѣлся, не могъ увидѣть вождельнаго предмета, ибо какъ видѣть Ту, которая вознесена къ небеснымъ обителямъ? Вотъ что случилось со мной.»

И другія слова Дамаскина—плоды и выраженіе души, исполненной глубокими и сильными ощущеніями. Въ нихъ не разсудокъ холодный и спокойный управляетъ ходомъ рѣчи или начертываетъ планъ, но сердце, переполненное чувствами, приводитъ въ движеніе всѣ силы души, оживляетъ воображеніе,

давало обильный поток самых возвышенных и разнообразных мыслей разуму и двигало устами проповѣдника. Таковы особенно слова Дамаскина на праздники Богородичные. Умиленіе, восторгъ, благоговѣніе, изумленіе и какая-то дивная любовь и признательность, которая можетъ быть вызвана только особеннымъ благодѣяніемъ Богоматери, — вотъ что наполняло душу оратора, когда онъ произносилъ слова въ честь Пресвятой Дѣвы. Это говоримъ не по предположенію, но основываясь на томъ объясненіи своихъ чувствъ, какое представляетъ самъ Дамаскинъ. «Пріятно для питанія вино, говорилъ онъ, питателенъ хлѣбъ; одно веселитъ сердце человека, другое укрѣпляетъ его. Но что сладостнѣе Божіей Матери. Она плѣнила мой умъ, овладѣла языкомъ, о Ней помышляю день и ночь. Она, Матерь Слова, руководитъ самымъ словомъ моимъ.» Но если столь сильное чувство отразилось въ бесѣдахъ Дамаскина, то каноны и пѣсни его во славу Господа нашего І. Христа и Богоматери преисполнены еще болѣе глубокаго чувства любви, благоговѣнія, благодаренія и сокрушенія.

Такой проповѣдникъ не могъ не пользо-

ваться особенною любовію и довѣріемъ своего патріарха. По словамъ самаго Дамаскина, никто лучше его не зналъ сокровенныхъ мыслей своего архипастыря. Патріархъ сообщалъ ему всѣ свои мнѣнія, особенно касавшіяся истинъ вѣры, подвергавшихся спорамъ. Только эти-то узы дружбы, взаимнаго довѣрія и откровенности удерживали вѣроятно Св. Іоанна въ Іерусалимѣ; но безмолвное уединеніе, служеніе Богу онъ предпочиталъ пастырскимъ обязанностямъ въ мірѣ; уединеніе было его потребностію, посему онъ не оставлялъ мысли возвратиться въ обитель Свят. Саввы. Дамаскинъ любилъ освобождать себя отъ впечатлѣній вѣшняго міра, углубляться въ міръ собственной своей души, и отсюда, всѣми помыслами возноситься къ Богу и міру духовному; и это отреченіе души отъ всего земнаго и тѣлеснаго, какъ видно изъ слова на Преображеніе, онъ считалъ высшимъ подвигомъ любви къ Богу и самымъ лучшимъ путемъ, которымъ она восходитъ и приближается къ Богу. По этому онъ недолго исправлялъ пресвитерское служеніе въ Іерусалимѣ и по смерти патріарха Іоанна возвратился въ обитель Св. Саввы.

Въ семь уединеніи Св. Іоаннъ продолжалъ

заниматься составленіемъ церковныхъ пѣсно-пѣній. Но при этомъ находилъ время и для другихъ важныхъ дѣлъ, которыхъ требовали современныя нужды Церкви. Такъ около сего времени написалъ точное изложеніе Православной вѣры съ краткою исторіею ересей и діалектикой подъ названіемъ: источникъ знанія. По великой важности сего сочиненія здѣсь же укажемъ поводъ къ написанію сего, а также представимъ обзоръ и содержаніе его.

Точное изложеніе Православной вѣры съ діалектикою и краткою исторіею ересей Дамаскинъ написалъ по просьбѣ своего друга, Космы епископа Маюмскаго, который предлагалъ ему принять на себя такой трудъ, исполняя съ своей стороны желанія и просьбы нѣкоторыхъ изъ духовныхъ особъ своей паствы. На это указываютъ собственныя слова Св. Іоанна изъ его письма Космѣ. Вотъ какъ они читаются: «Молю васъ, достойные отцы и братія во Христѣ, будьте снисходительны къ исполнителю вашего повелѣнія и въ награду за послушаніе руководите меня своими молитвами». Всегда исполненный глубочайшаго смиренія, Дамаскинъ и это дѣло началъ не иначе, какъ выраженіемъ чувства

недостаточности и слабости своихъ силъ. «Я медлилъ, писалъ онъ епископу Маюмскому, сознавая безсиліе моего ума, приступить къ тому, что выше моихъ силъ и не дерзалъ войти въ святилище, какъ какой-нибудь безразсудный смѣльчакъ, потому что боюсь опасности, которая постигаетъ людей, отваживающихся на подобное. Какъ я, оскверненный и всякимъ грѣхомъ занятый, носящій въ самомъ себѣ многошумное волненіе, и съ неочищеннымъ умомъ, какъ я буду зеркаломъ Бога и Божественныхъ образовъ». Какими и какъ пользовался Св. Іоаннъ источниками, при написаніи Богословія, это самъ онъ объясняетъ въ семь же письмѣ; именно онъ говоритъ: «при помощи Божіей благодати, я изложу истину, испроверженіе заблужденія, искорененіе лжи, истину, украшенную какъ золотыми нитями, изреченіями Богодухновенныхъ Пророковъ, Богопаученныхъ рыбаей и Богоносныхъ пастырей. Я сокращенно предложу не мое собственное ученіе, но ученіе избранныхъ изъ учителей, собравши оное, сколько будетъ возможно, во едино». Изъ Отцевъ Церкви онъ преимущественно слѣдовалъ Григорію Богослову; его писанія онъ такъ много любилъ, и такъ мно-

го занимался ими, что, кажется, всё изучилъ на память. Кромѣ Григорія Богослова онъ пользовался сочиненіями Діонисія Ареопагита, Аѳанасія Великаго, Василия Великаго, Григорія Нисскаго, Немезія епископа Емескаго, Златоуста, Епифанія Кипрскаго, Кирилла Александрійскаго, Максима Исповѣдника, Льва, папы Римскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Впрочемъ Св. Дамаскинъ представилъ въ этомъ сочиненіи не какой-нибудь простой сводъ чужихъ мыслей, которому съ своей стороны далъ только приличную форму, но къ заимствованнымъ у другихъ мыслямъ онъ нерѣдко прибавлялъ свои объясненія, дополненія и ограниченія. Заботясь о приведеніи истинъ вѣры Христовой въ болѣе стройный порядокъ, требуемый наукой, Дамаскинъ изложилъ ихъ съ такою полнотою, въ какой не были собраны никѣмъ прежде его. Съ особенною подробностію въ его богословіи раскрыто ученіе о тѣхъ предметахъ, которые въ его время были извращаемы еретиками, такъ напримѣръ, ученіе о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ и о почитаніи святыхъ иконъ. Могутъ показаться только не совсѣмъ умѣстными въ изложеніи догматическаго ученія, обширныя размысленія о

предметахъ міра физическаго, напр. о планетахъ, о воздухѣ, о вѣтрахъ, о водахъ, о моряхъ, о зодіакахъ и сатрапіяхъ въ Европѣ и Африкѣ. Такими же могутъ показаться и психологическія изслѣдованія, напр. объ удовольствіяхъ, о страхѣ, о скорби, о гнѣвѣ, о страдательномъ состояніи и дѣйствованіи, о памяти, о чувствахъ, о способности мышленія. Но помѣщеніе свѣденій объ этихъ предметахъ въ богословіи было слѣдствіемъ не смѣшаннаго понятія объ истиннахъ христіанскаго вѣрованія, а библейски-философскаго воззрѣнія на видимую природу, какъ на храмъ Славы Божіей и благоговѣнія передъ Мудростію Творца, отразившеюся какъ въ огромныхъ тѣлахъ звѣзднаго міра, такъ и въ устройствѣ земныхъ тварей. Что же касается до изслѣдованія силъ, способностей и проявленій души человѣческой, то это изслѣдованіе имѣло тѣсную связь съ современными спорами о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ, и помогало уясненію православнаго ученія объ этихъ предметахъ. Вообще внесеніемъ въ богословіе вопросовъ чисто физическихъ или изъ наукъ естественныхъ, Св. Дамаскинъ имѣлъ намѣреніе внушить любомудрствующимъ ту дорогую истину, что отъ богосло-

вія, какъ высшей изъ всѣхъ наукъ, и всѣ другія науки должны заимствовать свѣтъ, значеніе и главныя начала, чтобы не было раздѣленія и противорѣчія между откровеніемъ и философскимъ ученіемъ.

Сообразно степени тогдашняго естествознанія, въ книгу о вѣрѣ вошли и ошибочныя мнѣнія, напр. о движеніи солнца; но они, какъ предположенія, не относящіяся къ предметамъ вѣрованія, нимало не отнимаютъ достоинства у сочиненія, которое цѣнится собственно какъ сокровищница отеческихъ мыслей о предметахъ вѣры.

Несомнѣнно, что книга о Православной вѣрѣ была важнымъ и дорогимъ пособіемъ для ближайшихъ современниковъ Іоанна, но и въ позднѣйшее время она пользовалась постояннымъ и великимъ уваженіемъ, не только въ Православной церкви, но и у Латинянъ; объ этомъ можно заключить по многочисленнымъ спискамъ ея, хранящимся въ разныхъ бібліотекахъ Европы. Достойно замѣчанія, что въ С.-Петербургской Императорской Публичной бібліотекѣ хранится списокъ Богословія Дамаскина, писанный 1069 г., а въ Московской Синодальной — 12 вѣка. Богословіе Дамаскина было одною изъ первыхъ

свято отеческихъ книгъ, переведенныхъ въ нашемъ отечествѣ на языкъ Славянскій въ X вѣкѣ Іоанномъ, Экзархомъ Болгарскимъ.*

* Итъ нужды перечислять извѣстные списки, хранящіеся еще въ Императорской Вѣнской библіотекѣ, и разныхъ библіотекахъ Англїи и писанные въ Константинополѣ, до взятїя его Турками; но нельзя умолчать о томъ, что послѣ того, какъ въ первый разъ Богословіе Дамаскина переведено было на Латинскій языкъ Бургундіономъ Пизанцемъ въ XII вѣкѣ, при папѣ Евгеніѣ III, этимъ переводомъ пользовался Петръ Ломбардъ и Тома Аквинать, извѣстнѣйшіе и многоуважаемые на западѣ богословы; первый сдѣлалъ сокращеніе, а второй изложилъ его подробнѣе. Донать же, епископъ Веронскій, вновь издавая въ 1531 г. книгу о Православной вѣрѣ, въ посвященіи ея папѣ Клименту VII, написалъ между прочимъ слѣдующее: что изслѣдовали ревнители христіанскіе въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ великими усилїями, то совершилъ Іоаннь Дамаскинъ одинъ; онъ доставилъ намъ ручную книгу, въ которой есть все, необходимое для вѣрованїя, онъ изложилъ догматы съ такою ясностію, что даже женщины и люди неученые легко могутъ понимать все, и съ такою краткостію при полнотѣ содержанїя, что все можно прочесть въ нѣсколько часовъ. Мнѣнїя богослововъ и учителей христіанской вѣры, разстѣянныя въ безчисленныхъ и огромныхъ книгахъ, онъ представилъ въ немногихъ краткихъ главахъ, и предметы вѣры, о коихъ другіе писали безъ порядка, изложилъ съ такимъ искусствомъ и въ такой строгой системѣ, что всякій, прочитавъ это сочиненіе, можетъ ученымъ и основательнымъ обра-

Около 749 г. Дамаскинъ написалъ еще обличеніе противъ послѣдователей Кнаѳея; поводъ къ сему былъ такой: игуменъ монастыря Св. Евѳимія, Анастасій, возобновилъ лжеученіе Петра Кнаѳея о Трисвятой пѣсни, увѣрялъ, что она относится къ Сыну, и потому предъ окончательными словами пѣсни: *помилуй насъ*, сдѣлалъ прибавленіе: *распныйся за ны*. Въ подкрѣпленіе своего лжеученія, онъ взнесъ клевету на самого Дамаскина и почившаго Іоанна, патріарха Іеруса-

зомъ разсуждать о предметахъ богословскихъ. Для чего же медлимъ мы, прибавляетъ Донатъ, усвоить себѣ это сокровище, и предлагаетъ его папѣ, какъ надежнѣйшее оружіе противъ Лютеранъ. Донатъ не умолчалъ только въ томъ, что богословіе Дамаскина служить оружіемъ и противъ латинянъ, именно противъ ихъ заблужденія въ ученіи о Св. Духѣ. Св. Іоаннъ ясно опровергаетъ мнѣніе о происхожденіи Духа Св. и отъ Сына, и его свидѣтельство, какъ учителя церкви, раскрывшаго и изъяснившаго въ своихъ писаніяхъ прежнихъ отцовъ церкви, должно имѣть неоспоримую важность, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ такое время, когда на западѣ начало уже распространяться ложное мнѣніе касательно исхожденія Св. Духа. О Духѣ Св. мы учимъ, писалъ онъ, что Онъ отъ Отца, и именуется Его Духомъ, но не говоримъ, что Онъ происходитъ отъ Сына; Духомъ же Сына называемъ потому, что *еще кто Духа Христова не имать*, по слову Апостольскому, *сей нѣсть*

лимскаго, приписывая и имъ свое мнѣніе. На прибавленіе къ Трисвятой пѣсни православныя смотрѣли какъ на нечестіе, коимъ допускается распятіе Божественной Троицы. Когда Северъ, патріархъ Антіохійскій, единомысленный съ Кнаѳемъ, просилъ императора Анастасія, чтобы онъ заставилъ патріарха Константинопольскаго, Македонія, ввести и въ подвѣдомственныхъ ему церквахъ Трисвятую пѣснь съ прибавочными словами, патріархъ лучше согласился лишиться престола, чѣмъ допустить нововведеніе еретика.

Его. Исповѣдуемъ, что Онъ явился намъ чрезъ Сына: *дуну*, сказано, и глагола ученикомъ своимъ: *пріимите Духъ Святъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что Св. Дамаскинъ намѣренно коснулся неправомыслия западныхъ христіанъ, желая сдѣлать извѣстнымъ ихъ отступленіе отъ древняго ученія вселенской церкви и предостерегъ отъ довѣрія къ такой новизнѣ.—Думать, что эти слова внесены другимъ къ намъ нибудь, а не принадлежатъ Іоанну, нѣтъ никакихъ основаній: онъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ повторяются и въ другихъ сочиненіяхъ Дамаскина, какъ то—въ письмѣ къ Іордану и въ словѣ на великую субботу. И издатель твореній Дамаскина, *Лекевъ*, сознается, что онъ заимствованы Св. Дамаскинымъ изъ писаній Максима исповѣдника, писавшаго въ защиту папы Мартина. Значить ихъ достовѣрность и согласіе съ древнеотеческимъ ученіемъ чрезъ это становится еще не сомнѣнѣе и важнѣе.

А преемникъ его, Тимоѳей, хотя желалъ исполнить требованіе императора, хотя и покушался ввести это прибавленіе въ церкви Константинопольской, но встрѣтилъ въ клирѣ и народѣ такое сопротивленіе, что счелъ за лучшее отказаться отъ своего намѣренія. Северъ въ церквахъ Антиохійскихъ успѣлъ ввести пѣніе Трисвятой пѣсни по своему желанію, но потомъ православные патріархи, чтобы не имѣть ничего общаго съ еретиками, отмѣнили несправедливое нововведеніе. Посему Св. Іоаннъ не мало былъ изумленъ, когда узналъ отъ своего родственника и друга, аввы Сергія, что игумень Анастасій сталъ проповѣдывать, будто Трисвятая пѣснь относится только къ Сыну Божію. Чтобы остановить распространеніе этого заблужденія и оправдать себя и скончавшагося архинастыря отъ клеветы, Дамаскинъ написалъ письмо къ архимандриту Іордану. Здѣсь онъ ясно доказалъ, что какъ въ Серафимской пѣсни у пророка Исаіи, такъ и въ церковномъ пѣніи Трисвятаго, троекратное возглашеніе «Святый» указываетъ на троичность Упостасей въ единствѣ Божества, и что неблагочестиво относить оное только къ

Сыну, отдѣляя отъ Отца и Духа. Онъ тщательнѣе разбиралъ здѣсь тѣ мѣста изъ Писаній Отеческихъ, которыя приводилъ игумень въ оправданіе своего ученія, именно мѣста изъ твореній: Аѳанасія Великаго, Епифанія, Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Прокла Константинопольскаго, Василия Великаго, Григорія Нисскаго. Всѣ эти отцы Серафимскою пѣснью докызывали ученіе или о Божествѣ Иисуса Христа, или о Троицѣ, но не утверждали, что Серафимская пѣснь относится къ одному Иисусу Христу; это именно раскрываетъ Св. Іоаннъ въ послѣдней половинѣ своего письма къ Іордану.

Льву Исавру въ 740 г. наслѣдовалъ сынъ его Константинъ, онъ наслѣдовалъ и заблужденіе своего отца и продолжалъ нечестивое его дѣло еще съ большимъ ожесточеніемъ. Черезъ 13 лѣтъ своего правленія, Копронимъ рѣшился истребить иконопочитаніе именемъ Вселенскаго собора. Въ 754 году 338 епископовъ, готовыхъ утвердить все, чего бы ни потребовалъ императоръ, подъ предсѣдательствомъ Θεодосія, епископа Ефесскаго и Пастилы Пергійскаго, собрались въ царскомъ дворцѣ, на Азіатскомъ берегу на-

противъ Константинополя, и объявили иконопочитаніе изобрѣтеніемъ діавола. Императоръ называлъ это сборище ложныхъ пастырей Вселенскимъ соборомъ, и желая придать болѣе торжественности опредѣленію собора, хотѣлъ, чтобы онъ утвержденъ былъ голосомъ самаго народа. 27 Августа вмѣстѣ съ лжепатріархомъ Константиномъ и другими членами собора, онъ явился на площадь предъ многочисленнымъ стеченіемъ народа. Епископы всѣ въ одинъ голосъ воскликнули: «нынѣ спасеніе даровано міру. Императоръ! ты насъ спасъ отъ идолослуженія.» Потомъ поставили передъ народомъ Крестъ и Евангеліе. Предъ лицемъ Святыни, приобщаясь евхаристіи, каждый долженъ былъ съ клятвою утвердить, что онъ отрекается отъ поклоненія иконамъ, что признаетъ ихъ идолами, и кланяющихся имъ отвергаетъ, какъ идолослужителей. Въ заключеніе произнесли анаѹему Святымъ мужамъ, особенно противившимся въ обличеніи иконоборцевъ, именно патріарху Герману, Георгію, епископу Кипрскому и Іоанну Дамаскину. Пенависть Константина къ послѣднему выразилась въ особенно бранныхъ, унижительныхъ наименованіяхъ; его называли Ман-

суромъ презрѣннымъ, напоенымъ мнѣніями Сарацннскими, безчестнымъ Христоборцемъ и злоумышленникомъ имперіи, учителемъ нечестія и извратителемъ Божественнаго Писанія! Кромѣ обличеній нечестивому Копронимову собору, какія высказаны были въ письмахъ къ императору папою Стефаномъ и тремя восточными патріархами, и Св. Іоаннъ Дамаскинъ отвѣчалъ на незаконный судъ, произнесенный надъ нимъ, пламенною рѣчью, дышащею справедливымъ негодованіемъ на нечестивыхъ. «Что меня называешь идолослужителемъ, незаконный еретикъ, чей образъ я чту, Аполлона или Господа Нашего Іисуса Христа! Какому идолу я поклоняюсь, Діанѣ, матери демоновъ, или Всесвятой Пречистой Матери Нашей, Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи? Скажи миѣ, кому мы должны слѣдовать, Василію Великому Чудотворцу или Постиѣ, погубившему многія души? Кому повѣримъ, Св. Іоанну Златоусту, проповѣднику покаянія и наставнику спасенія или Трикакаву, учителю возмущенія и гибели? Кого послушаемъ, Григорія Богослова, или Константина, недостойнаго патріарха? Скажи миѣ, кого изберемъ въ руководители, славный ли

и по истинѣ достоублажаемый соборъ Святыхъ Отцевъ, или это безглавое у Бога и Святыхъ Его соборище? Ибо оно подлинно безглаво и богоненавистно. Кто изъ патриарховъ присутствовалъ на немъ? Римскій не хотѣлъ придти, ни Александрійскій, ни Антиохійскій, ни Иерусалимскій. Что же это за соборъ, не имѣющій ни одного патриарха? Истинный тотъ соборъ, когда пять престоловъ патриаршихъ поставляютъ одну вѣру и одно ученіе. Если же хотя одинъ изъ нихъ не присутствовалъ и не согласился на опредѣленіе, это не будетъ соборъ, но соборище суетное и тщеславное.»

Св. Стефанъ младшій увѣряетъ, что онъ видѣлъ и другія рѣчи Іоанна въ Константинополѣ противъ Копронима. Онъ говоритъ, что Св. Дамаскинъ не переставалъ писать противъ него и называетъ его пустословомъ, магометомъ; иконосожигателемъ и врагомъ святыхъ. Зонаръ также свидѣтельствуемъ, что Дамаскинъ какъ Льва Исавра, такъ и сына его частыми писаніями обличалъ въ нечестіи, эти обличенія не дошли до насъ. Преподобный Теофанъ хронографъ говоритъ, что Копронимъ ежегодно предавалъ анаѳемѣ

Палестинскаго обличителя, конечно потому, что слышала о новыхъ его сочиненіяхъ противъ иконоборцевъ.

Время кончины Дамаскина опредѣленно неизвѣстно. Судя потому, что на VII Вселенскомъ Соборѣ ему провозглашена вѣчная память, за несомнѣнное должно признать, что Св. Іоаннъ Дамаскинъ не дожилъ до сего торжества православія, когда, послѣ пятидесятилѣтняго гоненія отъ двухъ сильныхъ императоровъ, Отцы Никейскаго Собора единодушно произнесли осужденіе на иконоборцевъ и возвратили церквамъ иконы, какъ лучшее украшеніе и предметъ благочестиваго поклоненія. Думаютъ, что онъ умеръ около 780 г., Іоаннъ Фока, жившій въ XII вѣкѣ, утверждаетъ, что въ его время, въ Лаврѣ Св. Саввы обыкновенно показывали гробницу Св. Іоанна Дамаскина, рядомъ съ гробницею самаго Саввы. Это даетъ право заключить, что онъ здѣсь и скончался. Въ Саввинской Лаврѣ до сихъ поръ сохраняется преданіе о необыкновенномъ послушаніи и смиреніи Іоанна. Келлія его сдѣлалась по его кончинѣ святынею, которую до сихъ поръ показываютъ богомольцамъ и путешествен-

никамъ и надъ нею небольшую церковь, имъ самимъ устроенную въ честь своего Ангела, Иоанна Предтечи. Но мощи Дамаскина, неизвѣстно когда, были перенесены въ Константинополь. Георгій Пахимеръ свидѣтельствуеъ, что въ XIV вѣкѣ мощи Иоанна перенесены въ Константинополь.

ГЛАВА V.

Изложеніе ученія о почитаніи Св. иконь, извлеченнаго изъ словъ Дамаскина. Уваженіе, какимъ пользовался Дамаскинъ въ древней Православной Церкви. Сужденіе о немъ какъ учителѣ и защитникѣ православной вѣры противъ еретиковъ.

Такъ какъ одна изъ главныхъ заслугъ Дамаскина состояла въ подробномъ и точномъ раскрытіи и объясненіи ученія о почитаніи святыхъ иконь, то послѣ обзора жизни его почитаемъ необходимымъ, хотя въ сокращеніи, изложить и сіе ученіе.

Главное основаніе къ иконопочитанію онъ видитъ въ воплощеніи Сына Божія. По этому въ опроверженіе иконоборческаго мнѣнія, будто поклоненіе иконамъ служитъ уничтоженіемъ для христіанъ и есть одно и тоже съ идолослуженіемъ, въ опроверженіе этого упрека Св. Іоаннъ говоритъ объ ико-

нахъ какъ о святыиѣ, воплиѣ соотвѣтствующей высотѣ христіанства. Отвергающе догматъ почитанія иконъ, по его словамъ, сами себя низводятъ съ высоты указаннаго намъ Спасителемъ величія и совершенства, на степень подзаконнаго младенческаго состоянія. Мы, коиѣ даровано, говоритъ Дамаскинъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Богословомъ, пребывать съ Богомъ, Ему одному служить и обладать совершеннѣйшимъ Боговѣденіемъ, мы не находимся болѣе подъ дѣтководителемъ, ибо получили отъ Бога способность разсуждать, знаемъ, что можно изображать, и что неизобразимо

Прежде Богъ былъ неизобразимъ, и люди, невѣдущіе Его созидали подобія вещей тлѣнныхъ и ихъ боготворили. Пыиѣ явилось Слово во плоти и идолы замѣнились изображеніями истиннаго Бога, въ нихъ христіане поклоняются самому изображаемому.

Чтобы представить для всѣхъ очевиднѣйшія основанія къ иконопочитанію, Св. Дамаскинъ раскрываетъ необходимость и пользу священныхъ изображеній для народа, подтверждая свои мысли примѣрами и свидѣтельствами взятыми изъ Св. Писанія и преданія, а кромѣ сего въ подробности разби-

раетъ возраженія иконоборцевъ и выстав-
ляетъ на видъ внутреннія противорѣчія, съ
какими соединялось ихъ лжеученіе.

а) У насъ поставляются иконы на всѣхъ
мѣстахъ, пишетъ Дамаскинъ, и чрезъ эти
изображенія мы освящаемъ первое изъ нашихъ
чувствъ — зрѣніе (ибо зрѣніе преимуще-
ствуетъ предъ всѣми другими), такъ же какъ
слухъ чрезъ рѣчи. Икона есть какъ бы сво-
го рода учитель. Для простыхъ и не умѣю-
щихъ читать тоже, что книга для грамот-
ныхъ, и столько же говоритъ взору, сколько
рѣчь слуху. Апостолы видѣли тѣлесными оча-
ми Иисуса Христа, Его страданія и чудеса,
и слышали слова Его. И мы желаемъ видѣть
и слышать и быть блаженными, поелику ска-
зано вамъ *блаженна очеса, яко видятъ*. Они
зрѣли Господа лицомъ къ лицу, поелику Онъ
присущъ былъ тѣлесно. А мы, такъ какъ Онъ,
тѣлесно не присутствуетъ съ нами, на ико-
нахъ созерцаемъ изображеніе тѣлеснаго Его
вида, чудесъ и страданій, и созерцая, ра-
дуемся, становимся блаженными, благоговѣемъ
и поклоняемся тѣлесному образу Его. Пред-
ставляя же тѣлесный образъ, представляемъ
въ мысли и славу Божества Его (сл. 3). Я
неоднократно видалъ, говоритъ еще Дамас-

кинь, что если кто любитъ кого, то и на одежду его смотреть и лобызаетъ ее, какъ того самаго, кого любитъ, почему же не изображать намъ того, что мы любимъ, но чего по причинѣ отсутствія видѣть не можемъ? (сл. 3).

б) Освящая зрѣніе, иконы составляютъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ напоминачію намъ благодѣяній Божіихъ и достоподражаемыхъ событій изъ житія святыхъ угодниковъ, а чрезъ это облегчаютъ намъ духовное общеніе съ Господомъ и святыми Его. Такъ Богъ повелѣлъ устроить ковчегъ завѣта и жезлъ Аарона, и стамну съ манпою, именно для того, чтобы эти священныя вещи были живою и не умолкаемою проповѣдію для народа, и онѣ поставлены были не въ сторонѣ гдѣ нибудь, но на виду всего народа, для того, чтобы онъ, взирая на сіи вещи, поклонялся единому Богу, совершившему чудеса чрезъ нихъ, но что народъ неблаготворилъ ихъ, это всякому извѣстно (гл. 1. сл. 17). Такъ же Господь повелѣлъ Иисусу Навину взять изъ Іордана 12 камней именно для напоминачія о томъ, что иѣкогда *оскудѣлъ Іорданъ отъ лица Кивота Завета Господа вся земли, егда прехоуждаше его* (4, 6, 7).

Почему же, продолжаетъ Дамаскинъ, не изображать и намъ чудесь Христовыхъ, спасительныхъ страданій Его, чтобы и я, подобно Израилю, когда спроситъ сынъ мой, могъ отвѣчать ему, что Богъ Слово, содѣлавшись плотію, перевелъ не только Израиля чрезъ Иорданъ, но поверженное естество наше возвелъ къ прежней славѣ и спосадилъ съ собою на престолѣ Отчемъ (1. гл. 18). Иконы немолчные проповѣдники и славы святыхъ. Когда иѣтъ у меня книгъ и я не могу читать, иду въ церковь, общую лечебницу души; уязвляемый терніями помысловъ мой взоръ привлекаютъ цвѣты, услаждаютъ зрѣніе и мало по малу упоеваютъ душу славою Божіею. Я вижу твердость мученика и воздаяніе вѣщевъ и какъ огнемъ воспламеняюсь соревнованіемъ и падаю ницъ, покланяюсь мученику, а чрезъ него Богу и получаю спасеніе. Какъ же послѣ сего я не буду изображать словомъ и красками мученія святыхъ? Какъ я не буду обнимать устами и взоромъ того, чему дивятся Ангелы и вся тварь, чего трепещутъ діаволы и демоны (с.л. 1).

с) Поклоненіе иконамъ не есть позднѣйшее изобрѣтеніе, но древнее преданіе, основанное на словахъ писанія и свидѣтельствахъ.

Отцевъ церкви (2 гл. 20). Господь называетъ блаженными какъ учениковъ, такъ и всѣхъ послѣдователей своихъ отъ того, что они видятъ и слышатъ Его. *Ваша блаженна очеса...* Правда, взирая на икону мы видимъ Его только яко зеркаломъ въ гаданицѣ, но и чрезъ это уже мы блаженны. Если бы даже не было ни какого свидѣтельства въ писаніи въ пользу иконъ, то и тогда не слѣдуетъ отвергать ихъ по уваженію къ преданію. Многое, что не заключено въ св. писаніи, повторяетъ Дамаскинъ съ Василіемъ Великимъ, дошло до насъ изъ достовѣрнаго преданія. Если же столь многое мы доселѣ содержимъ, основываясь на преданіи, то почему теперь возстаемъ на иконы? (1 гл. 23). Скажи мнѣ, кого послушаемъ, Григорія Богослова или Константинопольскаго недостойнаго патріарха, кому будемъ почитать лику ли досточтимыхъ патріарховъ, просіявшихъ отъ перваго Вселенскаго собора до VI, или онымъ лицемерамъ священникамъ, бывшимъ на соборѣ и вводявшимъ въ церковь ложный догматъ, котораго не одобрили ни одинъ изъ пратріаршихъ престоловъ, а напротивъ всѣ осуждали и испровергали ихъ доказательства, какъ

утверждающія богоненавистное ученіе и поставляющія чуждое церковнымъ канонамъ.

Въ подтвержденіе постановленій церковнаго преданія о почитаніи святыхъ иконъ, Св. Дамаскинъ помѣстилъ въ своихъ словахъ длинный рядъ выписокъ изъ твореній Діонисія Арсопагита, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Златоустаго, Софронія Іерусалимскаго и другихъ писателей церковныхъ, какъ-то: Евверіана Габальскаго и Леонтія Кипрскаго. Много собрано у него сказаній о древности чествованія св. иконъ и изъ житій св. мучениковъ. Видно что иконоборцы также ссылались въ подтвержденіе своего лжеученія на отцевъ церкви, и именно на Св. Епифанія Кипрскаго. По этому Дамаскинъ писалъ: если ты возразишь что и блаженный Епифаній воспрещалъ чествованіе св. иконъ, то я скажу во 1-хъ, что сочиненіе, извѣстное подъ его именемъ, вымыслено кѣмъ-то другимъ и ложно приписано Епифанію, который совершенно чуждъ былъ мнѣній, выраженныхъ въ немъ. Доказательствомъ сего служить самая Церковь Епифанія, которая существуетъ и теперь и украшена всюду св. иконами. Во 2-хъ, что не должно обращать въ законъ церковный того, что дѣлается толь-

ко въ одномъ мѣстѣ и однимъ лицомъ, какъ и Григорій Бигсловъ говоритъ (сл. 38), что одна ласточка не показываетъ появленія весны, т. е. мнѣніе одного никогда не можетъ ни перевѣситъ ни опровергнуть преданія всей Церкви. (Думаютъ, что св. Дамаскинъ, говоря такимъ образомъ, имѣлъ въ виду мнимое посланіе Епифанія къ императору Θεодосію; подложность сего посланія доказана уже послѣ VII Вселенскаго собора патріархомъ Никифоромъ въ особомъ сочиненіи. Можетъ быть впрочемъ, что онъ указывалъ на посланіе Епифанія къ Іоанну Іерусалимскому).

Но главнымъ образомъ благовидность возраженія противъ иконопочитанія еретики занимствовали изъ 2-й заповѣди десятословія. Въ опроверженіе ихъ превратнаго толкованія 2-й заповѣди, Св. Дамаскинъ доказываетъ, что христіанское иконопочитаніе никакъ нельзя назвать идолослуженіемъ, которое запрещалось второю заповѣдію, и что Іудеямъ не дозволялось имѣть священныя изображенія, какъ изъ опасенія ихъ склонности къ идолопоклонству, такъ и потому что они не видали образа Божія. Совершенный Врачъ душъ, учитъ св. Дамаскинъ, воспретилъ дѣлать кумиры, и всякія подобія еще

младенцамъ, страдающимъ недугомъ идоло-служенія; Иудеи почитали ихъ Богами и совершали имъ божественное поклоненіе, Богу истинному не поклонялись, и славу, подобающую Ему, воздавали твари. Это видно изъ ихъ безумныхъ восклицаній предъ слитымъ въ отсутствіе Моисея тельцомъ; *сей Богъ твой Израилю*. Приведа слова изъ книги второзаконія: *Гласъ словесъ Господа вы слышите, а образа не видите, токмо гласъ и снабдите души ваша злю, яко не видите всякаго подобія, въ день въ оныже глаголаше Господь къ вамъ, и не сотворите себѣ самимъ подобія ваянна, всякаго образа, да не когда возрѣвъ на небо и видѣвъ солнце, луну и звѣзды прельстився поклонилися имъ и послужили имъ*. Приведа эти слова, св. Дамаскинъ замѣчаетъ: невидимъ ли, что цѣль этого запрещенія вездѣ одна, чтобы мимо Творца не служили ни какой твари? Потому-то къ слову *поклоненіе* вездѣ прибавляется служеніе. Но когда сей самый Богъ невидимый, безтѣлесный и неограниченный принялъ ради тебя зракъ раба и облекся въ человѣческую плоть: то иѣтъ препятствія, по которому бы не можно было изображать на дскахъ Того, Который Самъ восхотѣлъ явить и явилъ себя взоромъ че-

ловѣческимъ въ очертаніи плоти. И такъ не изреченное Его снисхожденіе. рожденіе отъ Дѣвы, крещеніе въ Іорданѣ, чудеса. совершенныя Имъ во плоти, крестъ и смерть, погребеніе и возстаніе, — все это можно теперь изображать и словомъ, и красками. Нечего здѣсь опасаться или страшиться, потому что поклоненіе бываетъ не одного свойства: покланялся и Авраамъ сынамъ Емморовымъ, людямъ грѣшнымъ, а Іаковъ покланялся Исаву, и Фараону Египетскому, и даже верху жезла, но значить ли это, что тотъ и другой боготворилъ ихъ? Иное значить боготвореніе и служеніе, такъ же иное означаетъ чествованіе и поклоненіе, которое оказывается изъ уваженія къ чьему либо достоинству (гл. 6, 7, 8). Покланяясь иконамъ, не веществу покланяюсь, но Создателю вещества, сдѣлавшемуся веществомъ для меня и благоволившему обитать въ веществѣ и чрезъ вещество совершившему мое спасеніе. И вещество не престану почитать, чрезъ которое совершилось мое спасеніе, потому что оно исполнено божественнаго дѣйствія и благодати, почитаю же его не какъ Бога; да nebudeтъ....

Всѣ эти доказательства должны были имѣть

убѣдительную силу и въ глазахъ еретиковъ, потому что и сами иконоборцы признавали досточтимыми крестъ, евангеліе, храмъ и всю прочую святыню христіанскую. Указывая на это внутреннее непримиримое противорѣчіе между почитаніемъ сихъ предметовъ и отверженіемъ иконъ, Св. Дамаскинъ говорилъ: не вещество ли преблаженное древо креста? Не вещество ли гора досточтимая, Святая? Не вещество ли прекрасный и живоносный камень, гробъ святой, источникъ нашего воскресенія? Не вещество ли книга св. Евангелій и священная трапеза и что всего святѣе животворящее тѣло и кровь Христова? Не вещество ли золото и серебро, изъ которыхъ устрояются кресты, диски и чаши. Или все это перестань почитать и поклоняться, или повилуйся преданію, дозвожь и поклоненіе иконамъ Господа Бога и тѣхъ, кои укращаются святѣйшимъ именемъ друзей Божіихъ и потому осѣняются благодатію Божественнаго Духа (1 гл. 16).

Иконоборцы особенно вооружались противъ иконъ святыхъ Угодниковъ. Они говорили: довольно тебѣ иконы Христа и Богородицы, Его Матери. Св. Дамаскинъ отвѣчаетъ: «если ты изображаешь Христа, но отри-

нашь образы святыхъ, ты отвергаешь не иконы, а самую честь святыхъ. Но Господь говоритъ: *пръславляющія Мн прослаблю, и Апостоль Павелъ вѣщаетъ: понеже съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся, и Иоаннь Богословъ говоритъ: подобни Ему будемъ.* И такъ послѣду ты дѣлаешь иконы Христа, какъ прославленные, и отвергаешь изображенія святыхъ, какъ чуждыхъ славы, то не противъ образовъ, но противъ святыхъ вооружаешься.... Святые при жизни исполнены были Духа Святаго, и по отшествіи благодать Св. Духа непрестанно присуца, какъ душамъ ихъ, такъ и тѣламъ въ гробницахъ, равно и святымъ иконамъ ихъ; не существо, но благодать и дѣйствіе.... По этому мы изображаемъ Христа Царя и Господа, не лишая Его своего воинства. Ибо святые суть воинство Господне.... Если они наслѣдники Божіи и сонаслѣдники Христа, то будутъ участвовать и въ божественной славѣ и царствѣ Его. Сообщники страданій Христа, какъ не будутъ участвовать въ земной славѣ Его? Они друзья Христовы.... И такъ отнимемъ ли у нихъ честь, которую усвоила имъ Церковь? Да не будетъ. Я поклоняюсь образу Христа, какъ Бога вопло-

твѣшатся и Владычицѣ всѣхъ, Богородицѣ — какъ Матери Сына Божія, святыхъ — какъ друзей Божіихъ, которые даже до крови противились грѣху и пролили кровь свою за Христа, подражая Ему, проліявшему за нихъ собственную кровь» (сл. 1). Необходимость поклоненія иконамъ Св. угодниковъ Божіихъ Дамаскинъ выводитъ еще изъ библейскихъ примѣровъ поклоненія Св. мужей Ангеламъ Божіимъ. Вотъ его образъ мыслей и доказательства: Иисусъ Навинъ видѣлъ не естество Ангела, но образъ, ибо естество Ангела для очей тѣлесныхъ невидимо; между тѣмъ объ Иисусѣ Навинѣ сказано: *паде лицемъ своимъ на землю и поклонися ему*, т. е. явившемуся въ образѣ Ангелу (5. 14). Тоже сдѣлалъ и Даниилъ; но Ангель не Богъ, а тварь, служащая и предстоящая Богу, — по сему онъ и поклонился ему, но какъ служителю, предстоящему предъ Богомъ. Почему же мы не изображать на иконахъ друзей Христовыхъ, и для чего не покланяться имъ не какъ богамъ, но какъ изображеніямъ друзей Божіихъ? Богъ не съ естествомъ Ангельскимъ соединился, но съ естествомъ человѣческимъ. Мы едино съ Христомъ и по соединительному приобщенію тѣла и крови Его. Итакъ,

не больше ли Ангеловъ тѣ, кои храненіемъ заповѣдей неразрывно соблюдаютъ сіе соединеніе? Естество наше по смертности своей и по грубости тѣла, конечно, ниже естества Ангеловъ, но благоволеніемъ къ нему и соединеніемъ съ нимъ Бога содѣлалось выше оныхъ (сл. 3). Что касается до заключительныхъ словъ: естество человѣческое по соединенію его съ Божествомъ выше ангельскаго, то отсюда ясно видно, что Св. Дамаскинъ допускаетъ въ себѣ отношеніи превосходство человѣка предъ Ангелами. Подобное сему ученію встрѣчается у Макарія Египетскаго.

Вотъ въ сокращенномъ видѣ ученіе Дамаскина о почитаніи Св. иконъ. Во всѣхъ его словахъ съ нѣкоторымъ разнообразіемъ повторяются эти главные мысли. Поэтому изложенію можно судить, много ли новаго приносится въ нашихъ догматикахъ при изслѣдованіи догмата о почитаніи Св. иконъ въ сравненіи съ ученіемъ Дамаскина. Между тѣмъ въ вѣкъ Дамаскина вопросъ объ этомъ догматѣ поднять былъ только въ первый разъ, и Дамаскинъ въ сочиненіяхъ предшествовавшихъ ему Отцевъ не могъ найти обстоятельнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ.

Пускаться здѣсь въ обзоръ содержанія другихъ сочиненій Дамаскина нѣтъ пужды. Остается сказать только объ уваженіи, какое оказывалось Дамаскину, послѣ его смерти и указать его значеніе въ ряду другихъ Отцовъ Церкви. Слава его какъ, ревностнаго защитника истины Христовой, безспорно всегда была признаваема всею Церковію. Еще при жизни его, подобный ему ревнитель православія, проповѣдникъ и мученикъ Стефанъ младшій, называлъ Юанна достойнѣйшимъ и мудрѣйшимъ, священнымъ и Богоноснымъ. Епифаній, мѣстоблюститель архіепископа Сардійскаго Θомы, вскорѣ послѣ смерти Дамаскина, прославлялъ его предъ отцами Никейскаго VII вселенскаго собора, за то что онъ вострубилъ трубою за Христа, не вынося новаго ученія, но возгласилъ о семъ ученіи какъ неистовомъ безуміи, всѣхъ увѣщевалъ и укрѣплялъ не входить въ общеніе съ дѣлающими беззаконіе; по сему отцы собора какъ проповѣднику истины провозгласили ему вѣчную память вмѣстѣ съ Св. Германомъ патріархомъ Константинопольскимъ и Георгіемъ епископомъ Кипрскимъ. Свида называлъ Дамаскина мужемъ ученѣйшимъ, однимъ изъ первыхъ въ его время славныхъ

ученіемъ мужей. А еще ранѣе его Преподобный Теофанъ, знаменитый своею хронографіею, сказалъ, что Іоаннъ справедливо названъ златою струею по обилію въ немъ благодати Св. Духа, которая проявилась въ словахъ его и въ самой жизни. Макарій, митрополитъ Анкирскій, жившій въ XIV вѣкѣ, такъ отзывается о Св. Іоаннѣ: когда я говорю о Дамаскинѣ, то имъ означаю всѣхъ учителей и богослововъ, вмѣстѣ взятыхъ, ибо онъ уста и изъяснитель всѣхъ богослововъ. Какая высота въ его рѣчахъ, какое тщательное и полное изложеніе!

Этотъ отзывъ митрополита Анкирскаго Макарія отличается особенною опредѣленностію и вѣрностію. Дѣйствительно Дамаскинъ былъ уста и изъяснитель всѣхъ учителей и богослововъ, а не простой эклектикъ, какъ называютъ его нѣкоторые изъ позднѣйшихъ писателей, хотя и эта послѣдняя слава — великая похвала для Церкви въ очахъ того, кто помнитъ слова Апостольскія: *вся испытующее, добрая держите*. Правда, что и изложеніе вѣры есть собраніе отеческихъ свидѣтельствъ, прибавимъ къ этому, и исторія ересей есть сокращеніе Елифанія и Θεодарита, и толкованія на посланія Павловы —

извлеченіе изъ бесѣдъ Златоуста; самое нравственное ученіе у него излагается въ такомъ сочиненіи, которому не даютъ другаго названія, какъ сводъ параллельныхъ мѣстъ изъ писаній философовъ и отцевъ церкви; но всѣ эти сокращенія и заимствованія были слѣдствіемъ глубочайшаго уваженія къ трудамъ предшествовавшихъ отцовъ. Св. Іоаннъ такъ смиренно думалъ о себѣ и столько отдавалъ предпочтенія другимъ, что всегда охотнѣе заставлялъ ихъ говорить вмѣсто себя. Конечно для него не трудно было доказать бытіе Божіе, при свѣтѣ Слова Божія и собственнымъ размышленіемъ, но приступая къ изложенію доказательствъ бытія Божія, онъ собственныя свои мысли замѣняетъ чужими, и въ объясненіе сего представляетъ слѣдующее: «мы не получили ни дара чудесъ, ни дара учительства, такъ какъ содѣлались недостойными сего по пристрастію къ удовольствіямъ, посему скажемъ нѣчто о семъ предметѣ изъ преподаннаго намъ отъ учителей, просвѣщенныхъ благодатію.» И въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ часто съ высокими похвалами и съ благочестивымъ уваженіемъ отзывается о писаніяхъ Св. Отцовъ. Слово отцовъ, говоритъ онъ, имѣетъ силу

закона (пис. о трисв. пѣсни 483), ихъ про-
 никала и озаряла сила Св. Духа и посему
 не моглобыть разногласія между ними (р. 488).
 Иногда, въ борьбѣ съ еретиками, онъ обра-
 щался къ нимъ съ такими словами: укажите
 намъ хотя одного изъ Св. отцовъ, который
 бы училъ согласно съ вами, и мы замол-
 чимъ, положивши палецъ на уста. (Разсужд.
 противъ яков. р. 413). Къ славѣ Св. Дамаскина
 надобно еще замѣтить и то, что со-
 бирая отеческое ученіе, онъ съ такою пол-
 нотою раскрываетъ догматы, что, можно ска-
 зать, не опускаетъ ни одного изъ тѣхъ до-
 казательствъ, какія можно было находить
 болѣе замѣчательными и сильными у различ-
 ныхъ учителей и писателей Церкви. Посему
 у него самое отеческое ученіе является въ
 новомъ свѣтѣ. Онъ даетъ большую ясность
 тому, что у Отцовъ не совсѣмъ вразумительно,
 и усугубляетъ отчетливость тамъ, гдѣ тотъ
 или другой изъ нихъ своею кроткостію оста-
 вляетъ мѣста недоразумѣніямъ. Не должно
 забывать еще и того, что и въ канонахъ
 Дамаскина не рѣдко излагается самое ясное
 догматическое ученіе, но онъ въ семь слу-
 чаѣ не только не былъ подражателемъ, но
 еще представлялъ образецъ и примѣръ для
 многихъ другихъ церковныхъ пѣснописцевъ.

Питая уваженіе къ богомудрымъ отеческимъ твореніямъ, Св. Дамаскинъ отдавалъ полную справедливость и трудамъ языческихъ философовъ. Я знаю, говорилъ самъ онъ въ своей діалектикѣ, что все, что есть хорошаго у язычниковъ, даровано людямъ свыше отъ Бога... Надобно пользоваться и ученіемъ языческихъ мудрецовъ. Всякій художникъ имѣеть нужду въ нѣкоторыхъ орудіяхъ. Да и прилично, чтобы царицѣ служили рабы. Итакъ возьмемъ это ученіе въ рабы истинѣ, только отринемъ, что въ немъ есть ложнаго и нечестиваго. Въ вѣкъ Дамаскина особенно изучали философіи Аристотеля, а преимущественно его діалектику. И Св. Іоаннъ умѣлъ извлекать существенную пользу изъ сихъ твореній. И въ другихъ ссчипеніяхъ его умъ, логически образованный, ясно обнаруживается не въ однихъ болѣе или менѣе строгихъ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, но и въ точныхъ опредѣленіяхъ спорныхъ понятій и въ образѣ доказательствъ. Сочиненіе противъ яковитовъ и разговоръ съ манехеемъ особенно изобилуютъ силлогизмами Аристотеля. Вообще въ спорахъ съ еретиками, при помощи сихъ умозаключеній, Св. Дамас-

кинъ, съ изумительною изобрѣтательностію и отчетливостію, ниспровергаетъ лжеученіе во всѣхъ пунктахъ, ясно показываетъ необходимо проистекающія изъ него нелѣпости, и удачно выставляетъ на видъ внутрення несогласимыя противорѣчія. А это — то всего и необходимѣе въ обличительныхъ сочиненіяхъ. Когда указана неразумность и бессмысліе извѣстнаго заблужденія, то съ этимъ вмѣстѣ достигнута главная цѣль обличенія. Этого необходимо было требовать отъ обличительныхъ вѣроучительныхъ твореній и потому, что успѣхъ борьбы обыкновенно много зависитъ отъ умѣнья владѣть тѣмъ оружіемъ, которымъ особенно славится противная сторона. А у древнихъ еретиковъ краткая силлогистическая форма доказательствъ составляла одно изъ обычныхъ и сильныхъ оружій. Посему, если гдѣ, то особенно въ борьбѣ съ древними еретиками, исторической методъ полемики, одно объясненіе причинъ, способствовавшихъ появленію заблужденій, не могло обѣщать никакого успѣха.

Сужденіе наше о значеніи и особенныхъ свойствахъ сочиненій Дамаскина мы желали бы заключить изображеніемъ въ общихъ чертахъ нравственнаго его характера, но свѣ-

дѣній объ этомъ дошло до насъ такъ мало, что остается возможнымъ сказать только о его ревности по православной вѣрѣ и о томъ самоотверженіи, какое показалъ онъ отреченіемъ отъ міра. Ни о событіяхъ юности, ни объ отношеніяхъ его къ знакомымъ и роднымъ, ни о домашней мірской жизни ничего не говоритъ его жизнеописатель, и отъ него самаго не осталось такихъ писемъ, въ коихъ бы отражалась его высокая душа со всѣми ея сочувствіями и страданіями, какъ это имѣемъ утѣшеніе видѣть въ письмахъ, напр., Василя Великаго, Григорія Богослова и другихъ отцовъ. И въ службѣ церковной Дамаскинъ, какъ ревнитель православія, восхваляется только въ общихъ словахъ за то, что, «всю отразилъ ересей прелесть (Кону), что обличилъ Несторіево раздѣленіе, Северево сліяніе, единовольное (моноѳелитское) пребезуміе, уясняя неудобопостижная многимъ въ священныхъ писаніяхъ» (троп. 8 и 9 пѣсни), и что, какъ пѣснописецъ «научилъ сыны церковныя пѣти православно единицу въ Троицѣ честную, чистую Богородицу, Христова Предтечу. также апостолы, пророки съ постники, мудрыя учителя, праведники и мученики». Обличенія

противъ еретиковъ Дамаскинъ началъ, какъ мы видѣли, еще будучи міряниномъ, но съ такимъ разумѣніемъ дѣла и съ такою кротостію, которыя нынѣ очень рѣдко встрѣчаются въ свѣтскихъ писателяхъ. Видно, что онъ въ юности изучилъ духовныя науки не съ такою поверхностію, которая отличаетъ многихъ изъ нашихъ современныхъ образованныхъ писателей, хвастающихся мірскою ученостію, но часто незнающихъ катехизическаго церковнаго ученія, даже въ томъ объемѣ, въ какомъ изучаютъ это малыя дѣти. Многимъ изъ современныхъ читателей пожалуй не понравится то, что Дамаскинъ запрещалъ православнымъ всякое общеніе съ манихеями, и это будутъ производить изъ духа нетерпимости, но тому, кто такъ глубоко прочувствовалъ всѣ истины христіанской вѣры и такъ твердо былъ убѣжденъ въ ихъ спасительности, какъ Дамаскинъ, конечно нельзя было оставаться и равнодушнымъ при блазнительномъ для православныхъ благоволеніи къ манихеямъ. Не усомнились ли бы мы въ искренней любви къ человечеству такого проповѣдника любви, который не рѣшился бы остановить слѣнца въ трехъ шагахъ отъ пропасти, изъ опасе-

нія, чтобы несчастный, по своему неразумію и дерзости, за это дѣло любви не причинилъ какого-нибудь огорченія. Точно также это была бы не вѣротерпимость, а равнодушіе и индифферентизмъ, если бы православный учитель сталъ дозволять общеніе съ манихеями, при видѣ явной душевной гибели, которую готовятъ себѣ и другимъ иступленные проповѣдники манихейства, потому только за не-общеніе съ ними калифы угрожали казнями и мученіями. Что касается до иконоборства, то опроверженіе этого новаго лжеученія, главнымъ образомъ было дѣломъ духовной власти; Св. Германъ, патріархъ Константинопольскій, прежде всѣхъ обличилъ Льва Исавра. Писанія же Дамаскина, въ защиту иконопочитанія, предназначались ближайшимъ образомъ для его друзей и знакомыхъ, и онъ, при всей обширной образованности, не усвоилъ своему голосу значенія одинакого съ писаніями современныхъ ему православныхъ іерарховъ, а хотѣлъ главнымъ образомъ выразить то единодушіе съ духовною властію, которое, въ подобныхъ случаяхъ, естественно облегчаетъ борьбу съ притязаніями свѣтской власти, вторгающейся въ дѣла вѣры и церкви. Въ Дамаскинѣ незамѣтно и тѣни

того самомнѣнія и гордости, которое слышится въ нынѣшнихъ смѣлыхъ обличеніяхъ противъ церковныхъ и гражданскихъ дѣятелей на пользу общую. Онъ возвышаетъ свой голосъ только по послушанію къ настоярямъ церкви, которые сами вызываютъ его, на защиту вѣры и церкви. Съ чувствами глубокаго смиренія приступалъ Дамаскинъ и къ написанію пѣснопѣній въ честь Богоматери въ надеждѣ на ея благодатную помощь, какъ это видно, напр., изъ 9 пѣсни Рождественскаго канона: «Любити убо намъ», которая такъ читается въ русскомъ переводѣ: «по страху намъ удобнѣе было бы хранить молчаніе какъ дѣло безопасное, и по любви къ Тебѣ, Дѣво, не легко составлять пѣсни, стройно сложенные, но Ты, Матерь, Сама даруй намъ и силу по нашему усердію.» О величій смиренія и высококомъ самоотверженіи Дамаскина всего болѣе впрочемъ говоритъ его рѣшимость отречься отъ всѣхъ удовольствій аристократической жизни и заключиться въ тѣсной келліи самаго строгаго монастыря. Когда Павлинъ Польскій, бывший консуль и правитель богатой кампаніи, удалился въ монастырь, тогда и друзья и родственники показывали къ нему презрѣніе, даже рабы, ко-

торыхъ онъ отпустилъ на волю, одаривъ деньгами, не стыдились язвить его насмѣшками, а знаменитый учитель Авзоній съ жестокостію упрекалъ его въ письмахъ за мнимое забвеніе долга къ отечеству, къ славѣ предковъ и къ наукамъ. Безъ сомнѣнія нѣсколько подобныхъ симъ огорченій испыталъ и Дамаскинъ отъ своихъ современниковъ и особенно отъ придворныхъ калифа, но все это онъ перенесъ съ великодушіемъ. Конечно и рабѣ Дамаскина были многія лица, которыя также принадлежали къ знаменитѣйшимъ фамиліямъ, были сенаторами и самыми приближенными къ царямъ правителями и предпочитали высшимъ почестямъ и славѣ мирное уединеніе и сердечную молитвенную бесѣду съ Богомъ, таковы, напр., кромѣ Св. Павлина, Григорій Двоесловъ и Св. Максимъ Исповѣдникъ; но никто изъ нихъ не былъ обреченъ въ монашеской жизни на тѣ черныя труды, которыми гнушаются даже простолюдины, но отъ которыхъ не отказы-

* Съ такимъ же благодушіемъ, безъ сомнѣнія, однимъ молчаніемъ до времени, пока пройдетъ раздраженіе, должно отражать и тѣ порицанія противъ монашества, которыя за особенную честь поставляютъ себѣ нынѣ распространять многіе и устно и печатно.

вался Дамаскинъ. Случается, что богатые и знатные люди, принимая монашескую одежду, приносятъ съ собой много роскоши, изнѣженности и притязательности на особенное къ себѣ уваженіе, но Дамаскинъ всѣхъ хотѣлъ превзойти только смиреніемъ и самоуничиженіемъ. Подобные ему подвижники не оставляютъ въ своемъ сердцѣ мѣста и такъ называемой благородной гордости, все доброе въ себѣ, всѣ дарованія и силы приписывая Подателю всѣхъ благъ и Творцу всяческихъ, Господу Богу.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**